

— Д. Л. МОРОЗОВ —

ДЕМОНСКИЕ ИГРЫ

ХРОНИКИ РАЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Дмитрий Морозов

Демонские игры часть третья.

Хроники Рая: Противостояние

<https://litres.ru/74103139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он убил женщину, которую когда-то любил. И это стало лишь первым шагом к концу всех миров.

Врата между Адом и Раем разрушены. Пророчество исполнено. Цена победы оказалась страшнее самого поражения.

Декраол получил силу, способную изменить мироздание, но вместе с ней потерял часть собственной души. Теперь ему предстоит возглавить многомиллионную армию демонов и начать войну против самого Рая. На другой стороне — ангельские легионы, древние законы мироздания и Бог, которого невозможно победить.

Но настоящая битва разворачивается не на поле боя.

Сколько жизней можно принести в жертву ради любви? Где заканчивается спаситель и начинается чудовище? И можно ли сохранить человечность, если каждый новый шаг к победе требует отказаться от неё?

«Хроники Рая. Противостояние» — третья книга цикла «Демонские игры»: масштабное тёмное фэнтези о войне, власти,

любви, предательстве и цене, которую приходится платить за исполнение мечты.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	26
ГЛАВА 3	45
ГЛАВА 4	65
ГЛАВА 5	89
ГЛАВА 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дмитрий Морозов

Демонские игры часть третья. Хроники Рая: Противостояние

ГЛАВА 1

Осколки

Она смотрела в мои глаза... Нет, она смотрела сквозь них — прямоком в душу. В ту самую тьму, которая поселилась там и опутала своими корнями то, чем я когда-то был. Моё сердце, висевшее на тоненькой ниточке, упало куда-то глубоко внутрь. Дыхание стало прерывистым. Воздух застревал в горле, не достигая лёгких. По щекам текла моя кровь, смешиваясь с её. Руки дрожали. Я не мог поверить в то, что видел. Чудовище с крыльями, объатыми чёрным пламенем. Одетое в изодранную кожаную куртку. Рога, возвышавшиеся на голове словно корона. Острые черты лица, и такие же острые ряды зубов. Кожа, покрытая смесью сажи и крови. Всё это было в отражении её мёртвых глаз.

— Нет. Нет, нет, нет, Лиана! — Я попытался подойти к ней, но мои колени предательски подкосились, и тело грузно упало к её ногам.

Она висела, пригвождённая собственным мечом к границе миров. Клинок пробил нагрудник в области сердца, будто бумагу. Тонкая струйка рубиновой крови текла по серебряному лезвию. Капли её падали на Адскую землю, пузырясь и испаряясь с тихим шипением. Белые крылья, покрытые красными брызгами, безвольно висели, касаясь земли. Горячий воздух колыхал её волосы цвета спелой пшеницы. Она не была похожа на сломанную куклу, какими всегда выглядели убитые мною ангелы. Лицо Лианы, секунду назад перекосенное яростью, теперь выглядело так, словно все тревоги покинули её. Дымка над полем боя оседала. Свет от моей атаки всё ещё горел над нами полуденным солнцем. Её тень лежала на мне тяжким грузом вины.

Я встал на трясущихся ногах. Каждое следующее движение давалось тяжелее предыдущего, словно глубже погружая меня в пучину отчаяния. Магия уже закончила затягивать мои раны. Лишь шрам на груди, оставшийся из-за райского серебра, немного оттягивал кожу. Мне было страшно прикоснуться к ней. Я бы хотел, чтобы это оказалось иллюзией, кошмаров Аврелиуса.

На этом пути я отнял бесчисленное количество чужих жизней. Не помню первое убийство. Помню лишь чувство, что сделал нечто ужасное. Нечто, чему нельзя найти оправ-

дание, хоть я и старался. Во второй раз было легче. Лица ангелов, выглядевшие как маски, вырезанные из мрамора, навсегда врезались в мою память. Но кем бы ни были мои жертвы, какие ни были бы у меня мотивы, ничто не сравнится с этим. Раньше это была самозащита, охота, слепое исступление, а сейчас это было убийство. Моё первое настоящее убийство.

Обхватив меч за рукоять, я испытал знакомое ощущение. Помимо жжения серебра, было чувство, что это не я держал меч, а он меня. Это та самая оплётка из кожи опраглы, которую я намотал на предыдущий клинок. Помню, как ковал его, потому что только этот кусок железа мог спасти нас обоих. Наверняка она избавилась от него, потому что он смердел серой Ада. Но она оставила почти незаметную для других деталь. Может, потому что это давало тактическое превосходство. Но хотелось верить, что это было напоминанием обо мне. И каждый раз, материализуя меч, она вспоминала меня. Или того, кем я был когда-то.

Я рванул меч на себя со всей силы. Врата Миров словно клещами держали клинок, но мне удалось его вынуть. Он упал с жалобным звоном на землю, подняв в воздух осевший пепел. Тело Лианы рухнуло. Мне показалось, что она вот-вот сгруппируется в полёте, приземлится на ноги и снова отчитывает меня в своей привычной манере. Но нет. Я подхватил мёртвое тело, пока оно не коснулось земли, и рухнул вместе с ним. Не от веса — она была лёгкой, как пушинка, а от

неподъёмного веса греха на собственной душе.

Она казалась такой хрупкой, будто ледяная роза. Её голова лежала на моих руках. Кровь из моих глаз капала на русые волосы. Я прикрыл её веки, потому что больше не мог выносить тяжесть её взгляда. Моя рука гладила Лиану по голове словно успокаивая. Словно укладывал её в последний сон. От той силы, что могла противостоять мне несколько мгновений назад, не осталось и следа, лишь пустая оболочка на моих руках.

Вспомнилось, как однажды она почти убила меня. Остриё её клинка упиралось мне в сердце. Ей оставалось чуть надавить на мягкую плоть, и моя история закончилась бы там. На крыше спортзала. Ничего бы не было. Ни Ада, ни пророчества, ни этой боли. Она была бы жива. Возможно даже это было бы правильнее. Хотелось вернуться, обратить время вспять. Хотелось не делать всего этого — не убивать её, не перемещаться в Ад, не находить тот проклятый камень. До этого момента всё это казалось игрой. Смертельно опасной, жестокой игрой без правил. А сейчас это стало реальностью.

Для меня Лиана всегда останется той, кого я однажды любил чистой подростковой любовью. Мне казалось, я пережил это. Думал стал старше, черствее, но ощущая испаряющееся тепло её кожи, понимал, что ошибался.

— Прости меня, Лия, прости, — слова хрипом вырывались из сжатого спазмом горла. — Я не хотел этого делать.

Тебя не должно было быть здесь.

Она не отвечала. Огонь в груди разгорался из тех углей, которые остались после нашей схватки. Я смотрел на стену, которая стояла здесь колоссом с момента сотворения миров. Смотрел на всполохи магии, складывающиеся в пророчество. Пелена гнева застилала мои глаза. Это их вина. Врат Древнейших. Пророчества. Они заставили меня начать моё путешествие, и они же не дают мне остановиться. Они должны быть уничтожены.

В моих руках вспыхнул меч. Свет отражался от его тёмного, словно чистейший обсидиан, лезвия. Руны вспыхивали тем ярче, чем сильнее полыхало чёрное пламя моей души. Я так сильно сжал рукоять, что кожа на пальцах лопнула от напряжения. Глаза налились кровью. Округу озарил нечеловеческий, демонический крик, в который я вложил всю ту боль, всю ненависть, которая копилась годами. Небо над нами затрясло. Сквозь мой вопль был слышен лишь лязг металла о камень. Клинок высекал искры на Вратах, но не оставлял на них даже царапины. Мысли путались, словно забившись в тот комок ярости моей души. Последние силы были вложены в эту атаку, но стена стояла невредимая, словно насмехаясь надо мной.

Я упал на землю тяжело дыша. Сражение с Лианой и так забрало почти все силы. А гнев использовал последнее как самое горячее топливо. Я — Истинный Избранник Ада — лежу на задворках мира, бессильный что-либо сделать. Про-

рочество требовало от меня крови Аурелии. От чего сердце только сильнее обливалось кровью. Почему им нужна жертва? Неужели той силы, которую я обрёл, недостаточно, чтобы пробить в них брешь? Неужели той глубины падения, которую познала моя душа, недостаточно в качестве жертвы?

Двуручный меч привлёк моё внимание тёмным отблеском. Курояма, может, ты был прав? Может мне тоже стоит взять оружие, которое было отражением моей души, и превратить его в кусунгобо? Может так будет правильнее? Мои пальцы гладили полированное лезвие меча. Огонь на его поверхности не причинял мне вреда, потому что исходил из моей собственной души. Он успокаивал. Словно говоря: «Я был с тобой с момента, как ты стал Декраолом, и буду с тобой до самого конца». Да. Это единственный вариант. Тогда Аурелия будет жить. И жертва Лианы будет не напрасной. Всего лишь одна несчастная жизнь.

Передо мной из земли появились два камня. Я положил меч на них так, чтобы переломить клинок ближе к гарде. Дыра в памяти не позволяла вспомнить родных даже сейчас, на пороге смерти. Перед глазами вставали лишь образы Аурелии и Лианы. Остатки магии вливались в мои мышцы. Панцирь на предплечьях твердел, становясь подобным стали. Этого должно хватить. Я поднял руку, словно гильотину для стали. По щеке скатилась последняя капля крови. Глубокий вдох...

И тут я увидел его. Отверстие. Узкое, ромбовидное — на

Вратах. Там, где я поразил Лиану смертельным ударом. Её меч вошёл в толщу Врат. Как я сразу это не увидел? Но почему её клинок оставил порез, а мой не может даже царапины? Ангельское серебро? В сознании всплыла картина, как Лиана пробила мою грудь, и остриё меча со звоном ударилось о стену. Нет. Тут нечто иное.

Я внимательно осмотрел порез. Он был достаточно глубоким, но в нём не было ничего необычного, кроме капель моей и её крови по краям. И тут я почувствовал: багрово-рубиновая смесь создавала иную магию. Не тот хаос, который несёт простая энергия, а словно музыка — упорядоченная, чёткая композиция, направленная на единственную цель.

Всполохи энергии на Вратах, до этого складывающиеся в пророчество, словно изменили свой характер. Я снова вгляделся, и чем больше смотрел, тем больше понимал: они показывают мне руну. Энергия стены показалась мне знакомой. Она была противоположна той, что исходила от нашей крови. Осталось лишь направить магию.

Я взял ту кровь, которая была на её клинке, ту, которая была на вратах, и ту, которая ещё не успела испариться на земле. Почти незримой нитью она потекла по Вратам, заполняя те узоры, которые формировали руну. Но этого было мало. Мне не удавалось наполнить даже четверти руны.

— Лия, это последняя жертва, которую я прошу тебя принести, — произнёс я в пустоту, не смея смотреть на неё. — Прости меня.

Тонкой струйкой её кровь поднималась из раны на груди. Второй поток пробился сквозь мои вены на руке. Они сливались в воздухе, образуя причудливый жгут, похожий на извивающуюся змею. Руна заполнялась на поверхности Врат. Пентаграмма крови. Раньше я использовал только базовые элементы, здесь же была магия иного порядка.

Даже начинающий знает — рунам нужна магическая энергия для активации. И чем сложнее руна, тем больше магии ей нужно. Самые могущественные из них могли истощить хранилище досуха. Но сколько требовалось силы руны крови, которая должна была разрушить границу между мирами? Невобразимо много.

Она не просто пила мою энергию — руна пожирала её, высасывая остатки из каждой клетки. После схватки я не успел восстановить и каплю своей мощи, но магии было всё равно. Мышцы иссушались на глазах, превращая плоть в силу. Кости трещали от судорог, сводивших мышцы. Лицо стремительно худело, глаза закатывались. Боль пронзала мозг, словно раскалённые спицы. Если это сейчас же не прекратится, то моё тело будет лежать рядом с Лианой вечно.

Внезапно поток стал сильнее. Будто кто-то рванул шлюз. Тело постепенно приходило в норму, пропуская сквозь себя невероятное количество энергии. Сердце в груди остановилось, словно не желая мешать процессу. Каждая магическая артерия была наполнена призрачной силой, распирая меня изнутри. Фиолетовые искры плясали на поверхности панци-

ря. Казалось, даже глаза светились от столь невообразимой мощи. Всей моей энергии не хватило бы, а старое тело просто рассыпалось бы в прах от таких нагрузок. Неужели таков и был план Люцифера?

Руна вобрала в себя магию, способную стереть Темнорез с лица Ада одним щелчком. Багрово-рубиновая кровь становилась всё ярче, будто готовясь взорваться. Она вспыхнула тысячью солнц. Золотой свет, словно от силы Древнейших, заполнил пространство, пожирая тени вокруг. Воздух стремительно нагревался, лучи света обжигали панцирь. Казалось, что ещё немного и жар просто испарит меня, словно каплю воды на выжженной земле.

Мой взгляд упал на тело Лианы. Белоснежные перья её крыльев уже начали чернеть по краям и испускали едкий дым. Я быстро подскочил к ней и укрыл нас своими крыльями. Словно безопасный кокон, не позволяющий свету проникнуть внутрь. Тёмное пламя не обжигало, напротив, оно поглощало излучение руны, защищая нас. Но даже так сквозь перепонки пробивалось это сияние. В ушах стоял грохот, будто кто-то голыми руками рвёт мир на части. Звук был похож на трение двух гор друг о друга. Мелкие осколки били по крыльям, словно шрапнель. Мне казалось, что мы находимся в эпицентре ядерного взрыва.

Не знаю, в какой момент я потерял сознание. Но отчётливо помню, как лёгкий, прохладный бриз коснулся моего лица. Мы лежали, словно любовники в последнем объятии.

Моя рука обнимала её, плетью лёжа на серебряном нагруднике. Перепонки моих крыльев полностью сгорела в пламени Врат, оставив лишь обугленные кости за спиной. Песок вокруг нас превратился в бесформенное стекло, а любой намёк на гору или даже небольшой холмик исчез вплоть до самого горизонта. Лишь под нами оставался нетронутый островок бывшего пейзажа.

Сквозь затуманенное зрение пробивался мягкий свет. Мне было страшно, что, протерев глаза, я снова увижу лишь отзвук собственной атаки. Но ветер, ласкающий кожу летней вечерней прохладой. Шелест травы, пробивающийся сквозь гул собственного сердцебиения. Аромат цветов, которые не растут в раскалённой почве. Всё это говорило о том, что всё получилось. Я встал и едва не упал. Вечное солнце Рая грело мою кожу, пока я стоял на земле Ада. Это казалось странным сном. Наверное, впервые эти земли ощущали на себе что-то помимо пустынного зноя. Стена исчезла, не оставив ничего, кроме ровной линии на земле, шириной в несколько метров. Тяжёлый, пропитанный серой воздух Ада смешивался с лёгким, прохладным воздухом Рая, несущим аромат цветов.

Почти три года я провел здесь — среди вечных скал, потоков лавы, в вечном сумраке без сколько-нибудь яркого источника света. Глаза бессмертных не могут быть ослеплены солнцем, но для меня оно было настолько ярким, что я невольно прищурился. Этот момент стал для меня глотком свободы — как для узника, впервые увидевшего небо. Душа

словно воспарила, отпустив боль. Мне хотелось лечь на этот луг, ощутить, как трава щекочет кожу, почувствовать влагу росы. Я мечтал окунуться в речку, цвета чистейшего сапфира и смыть с себя запах Ада, проникший в каждую пору тела. Словно мотылёк на пламя, я двинулся вперёд, ведомый наваждением. Нога за что-то зацепилась, и я упал, не сумев удержать равновесие. Уже было понятно, обо что я споткнулся, и светлое чувство снова ушло. Липкое чувство вины накатывало приливами, ещё сильнее подпитываемое мыслью, что посмел забыть свой грех даже на мгновение.

— Прости, Лия, прости меня, — я сел рядом с ней и положил руку на её плечо, укрытое серебряной бронёй. Она покалывала пальцы, отрицая моё право на прикосновение. — Посмотри, мне удалось открыть Врата. Мне удалось исполнить пророчество, — уголки губ невольно приподнялись. — Это всё благодаря тебе, Лия. Твоя смерть... Твоя жертва не стала напрасной. Благодаря ней мы с Аурелией будем жить, — улыбка сползла с моего лица. — Подумать только, рассуждаю о том, как буду счастливо и вечно жить со своей возлюбленной, лишив тебя этой возможности в прошлом и будущего.

Как мне хотелось, чтобы она открыла глаза и сказала: «Не волнуйся, это не твоя вина, ты всего лишь жертва обстоятельств и тоже заслуживаешь счастья». Но она молчала. А я был готов отдать всё, что у меня есть, чтобы её изумрудные глаза вновь посмотрели на меня с укором. Однажды мне

удалось нарушить закон мироздания и выкрасть душу Руслана из-под носа у ангелов, но сейчас это не сработает. Души таких, как мы, не попадают в миры бессмертных — они развеиваются подобно праху на ветру. Но вдруг у меня получится? А что, если попробовать ощутить энергию души и вернуть её в тело?

Я закрыл глаза. Энергия ощущалась повсюду. Какая-то её часть была хаотичной, какая-то — упорядоченной. Среди неё были осколки каждого умершего существа. Это ощущалось океаном, в котором каждая капля отличается лишь своей солёностью. Я проникал глубже в этот мир. Моё восприятие магии вышло на совершенно иной уровень. Мне удавалось различать отдельные элементы вокруг нас. Удивительно, но взрыв Врат Миров не повлиял на рассеивание её души. Мне казалось, что её успело разнести по миру, но большую часть мне удалось собрать.

У меня на ладони лежала светлая сфера, которую удалось собрать из остатков её силы. Но этого было мало. Стараясь ничего не испортить, я добавил немного собственной энергии. Шар немного потемнел. Но всё равно в нём было больше Лианы, чем Декраола. Надеюсь, когда она очнётся, её личность не изменится. Я даже не против, если она снова бросится в атаку. Лучше пусть погибну я, чем она.

Сфера медленно опустилась, на мгновение зависнув над смертельной раной, и влетела внутрь. Этого было мало, но по крайней мере теперь было то, что могло брать мою энергию.

Мой запас был исчерпан, поэтому мне снова пришлось обратиться к самому тёмному из всех источников. Магия Люцифера хлынула сквозь меня, как река, выжигая всё внутри. Небо над нами озарилось яркой вспышкой, будто само мироздание протестовало против того, что я делал. Тело дрожало от напряжения, кровь хлынула из носа, заливая серебряный нагрудник, вены на лбу взбухли, готовые в любой момент взорваться. Сердце пропускало удары, кожа на руках покрылась ожогами. Магией крови я грубо схватил края раны и стянул их, сшивая воедино. Её тело выгнуло дугой. Веки распахнулись. Золотое сияние вырвалось из изумрудных глаз и рта. Истощённый, я рухнул рядом. Неужели получилось?

Её тело снова обмякло. Я прильнул ухом к её губам, пытаюсь расслышать хоть намёк на дыхание. Щупал грубыми пальцами сонную артерию, пытаюсь нащупать хотя бы слабый пульс. Но она не подавала признаков жизни. Синие губы были немного приоткрыты. Веки вновь сомкнулись. Только белёсый шрам вместо раны выглядывал из разорванного доспеха.

Я не знал, сколько прошло времени. Мгновение или вечность. Недвижимое солнце смотрело на меня с небосвода забытым наблюдателем. Его свет смешивался с багровым небом Ада, окрашивая всё вокруг в цвет её крови. Но для меня в этом не было красоты. Лишь рана на небосводе.

Мне нужно было встать. Продолжить свой путь. Мозг от-

давал команду, но ноги не отвечали. Словно прибитые к земле, они лежали на том последнем островке былого. Словно по замкнутому кругу в голове бились мысли: зачем? Ради собственного счастья? Ради Аурелии? Но вправе ли я платить чужой кровью? Я — чудовище.

Аромат цветов Рая смешался с запахом пепла и мёда, исходившего от её волос. В горле встал ком. Казалось, сейчас вырвет. Но не от запаха — от осознания, что этот запах отныне останется лишь в моей покалеченной памяти. И с каждым днём он будет становиться лишь слабее.

Я положил голову на остывший серебряный нагрудник. Надеялся ощутить жжение от него. Но не было ни боли, ни холода. Голова стала будто деревянной. Знал, что касаюсь её, но ощущение прикосновения словно тонуло в густой смоле. Казалось, что вместе с ней умерла частица меня. Внутри была пустота. Но не тихая, а гулкая. Как в огромном соборе после того, как отзвучал последний колокол. В этом гуле словно звучали слова Люцифера: «Ты исполнил пророчество. Ты разрушил Врата». Чужая воля. Она всегда подталкивала меня. Чужая мораль. Как давно я перестал отличать чёрное от белого? Хоть какой-то лучик света остался в той тьме, которую я зову своей душой?

Аурелия... Я попытался представить её лицо, вспомнить наивную улыбку, игривые веснушки, рассыпанные по вздёрнутому носу и нежным скулам. Но вся эта картина расплывалась, словно внутри меня шёл дождь. Хотя откуда ему взять-

ся? Глаза мои уже высохли. Слезы покинули меня вместе с моим старым именем, не оставив даже влаги для покаяния. Единственным чётким образом для меня оставались изумрудные глаза Лианы. Мёртвые. Смотрящие сквозь меня. И в них — отражение чудовища. Которое сидит у тела своей жертвы, сломавшее всё в её жизни, прежде чем забрать последнее.

— Потрясающе, — его голос вывел меня из моего самобичевания. — Врата пали. Я чувствую, как лучи солнца жгут кожу.

Люцифер стоял рядом со мной, словно был тут с самого начала. Его лицо немного осунулось, кожа казалась более серой, чем обычно. Думаю, трата такого количества энергии, которое было необходимо для уничтожения границы миров, сказалось даже на нём. Он смотрел на Рай не отрываясь. Ни я, ни Лиана не были ему интересны.

— Декраол, ты заплатил великую цену за пророчество, — голос Люцифера был уставшим. — Но это лишь начало.

— Где же конец, Люцифер? — я нашёл в себе силы подняться и подойти к нему.

— Там, в глубинах священного города, во дворце Яхве, ты и закончишь свой путь, — он положил руку мне на плечо. Его пальцы не впились в плоть, а лишь коснулись меня, будто поправляя куртку. Этот жест был непривычно лишён той скрытой угрозы, к которой я привык за годы, проведённые с ним.

— И кошмар закончится? — всё тело дрожало то ли от истощения, то ли от того, что творилось у меня в голове.

— Ты станешь единым правителем и будешь править мирами, а Аурелия станет твоей королевой, — в его голосе звучали нотки гордости за дочь и за меня.

— Ты вот так просто отдашь власть, Люцифер? — его истинные мотивы всегда были скрыты от меня. Неудивительно, что его слова, хоть и были сладкие, всё ещё имели тот самый ядовитый оттенок.

— Я, наконец, отправлюсь на покой, оставив вам весь мир, — он закрыл глаза и улыбнулся. В уголках его глаз появились морщинки, а в идеальной бороде отблёскивали седые волосы. — Тебе остаётся лишь встать во главе армии Ада и вырвать своё будущее из холодных рук умирающего Бога.

— Где же эта армия? — я осмотрелся вокруг и не увидел ничего кроме пейзажа, успевшего стать привычным. — Не пойду же я один против целого мира.

— Падение врат отозвалось во всех мирах громом, возвещающим о начале войны, — он произнёс это, будто смакуя каждое слово. — Каждый демон Ада получил инструкцию, выжженную прямо в мозге — руну из чужой крови, которая сделает его частью одного великого ритуала призыва.

— Ты проредил нашу армию вдвое, — стратегия никогда не была моей сильной стороной, но это звучало как настоящая диверсия.

— Думаю даже больше, — Люцифер усмехнулся. — Ты

сам знаешь об их неорганизованности и бессмысленной жажде насилия. Слабейших демонов нельзя использовать даже в качестве пушечного мяса, они обратятся в бегство едва завидев ангельское серебро.

— Даже если так, как орды кровожадных тварей выстоят против хорошо обученной армии ангелов? — я вспоминал его же уроки. — У них есть понятие тактики, боевых построений и иерархий. По сравнению с ними — мы кучка дикарей.

— Наше преимущество в количестве, — в глазах Люцифера мелькнула древняя искра того самого первобытного хаоса. — На сотню душ, попавших в Ад, всего одна попадает в Рай. Каждая душа принимает новый облик в Геенне Огненной, но не каждая душа считается достойной для перерождения ангелом.

— И ты предлагаешь мне вести эту неорганизованную ораву на величайшую войну? — странно, что эта мысль не пришла ко мне раньше.

— Поверь мне, они ещё удивят тебя, — Люцифер подмигнул мне в непривычной для него манере. — Призыв будет окончен примерно через неделю. Аурелия появится здесь вместе со всеми.

— Ты решил и её втянуть в это? — я посмотрел на него исподлобья.

— За три дня ты не справишься, — Люцифер рассмеялся. — Жалко будет разлучать вас на долгие годы, — внезапно он поменялся в лице, будто вспомнил что-то важное. Кожа

на его лице стремительно принимала мглистый оттенок. — Я больше не могу находиться так близко к Раю, время вышло. Закончи свои дела, — он еле заметно кивнул в сторону тела Лианы, словно на помеху, которую надо устранить. — И готовься к прибытию армии...

Тело Люцифера застыло на мгновение, чтобы в следующую секунду рассыпаться. Его прах, смешавшись с бризом Рая, унесло обратно в сторону преисподней, оставив меня снова в одиночестве. Но его слова ещё долго звучали у меня в голове.

— Я похороню тебя так, как заслуживает Валькирия, — я опустился на одно колено перед Лианой. — Нет. Я похороню тебя так, как заслуживаешь только ты.

Её тело было лёгким, как пушинка. Голова безвольно откинулась, светлые волосы коснулись моей огрубевшей кожи. Ступая по границе между мирами, оставляя Ад за спиной, я чувствовал нарастающую тревогу. Скоро здесь пройдёт армия Ада. Эта миролюбивая долина вскоре обратится в пустынные, выжженные степи. Каждый камушек, каждая травинка будет перемолота смердящими кровью когтями демонов. И я не мог допустить, чтобы её могила оказалась под этими шагами.

Лиана лежала на мягкой траве, ожидая своего последнего пристанища. Я встал на одно колено и прикоснулся ладонью к земле. Не приказ, но просьба, как я когда-то учил Аурелию. Из-под моей руки пошла рябь. Земля подо мной дрогнула и

стала медленно подниматься с глухим, утробным гулом. Повеяло запахом влажной почвы и металла. Ангельское серебро, жгущее демонов одним прикосновением и подавляющее их магию. У самых Врат его было настолько много, что казалось будто оно проступало из самой земли. Я направлял его силу в поднимающуюся гору. Она выросла передо мной. Не великан, пронзающий облака своим остриём, а скромный монумент. Но достаточно большой, чтобы остаться нетронутым даже после нашествия миллионов. Каждая его грань сияла холодным светом, отпугивающим нечисть.

Я поднял её тело и сделал первый шаг. Даже сквозь толстые кожаные подошвы серебро жгло меня, словно я шёл босыми ногами по раскалённым углям. Каждый шаг прожигал меня насквозь, усиливая и без того гнетущее чувство утраты. Пусть сгорит моя плоть, но мой долг довести её до последнего пристанища. На вершине я сотворил выемку. Простую, ровную, будто сама гора раскрыла своё сердце для неё. Осторожно, словно боясь потревожить, я положил её внутрь. Казалось, укладываю не мёртвую, а спящую. Где-то глубоко внутри мелькала мысль: «Проснись, прошу тебя, просто проснись, открой глаза и посмотри на меня». Но она не просыпалась.

Слои серебра сомкнулись, запечатывая выемку, скрывая её навеки, будто сама земля приняла её. В руке у меня был меч. Её серебряный меч. Он был лёгким, но от этого не менее смертоносным. Больше он не будет орудием смерти, отны-

не клинок будет охранять её покой. Луч света отразился от лезвия, когда он с пронзительным звоном, похожим на крик, вошёл в монумент. Меч затрепетал, словно живой, и замер — сияющий, прямой как стрела, указывающая в небо.

Ветер взвыл и ударил по лицу, словно пощёчина. И в этом завывании мне почудилось эхо — то ли крик, то ли шёпот. И я не знаю, что это: прощание или проклятье. Но абсолютно ясно было одно — именно здесь, вместе с ней, я похоронил последнюю часть себя.

— Когда-то я искренне любил тебя. Смотрел на тебя, когда ты не видела. Каждая лишняя секунда рядом с тобой делала мою жизнь светлее. Потом ты стала моей и сделала меня самым счастливым человеком в том сером городе. Но ты не смогла вынести моей истинной сущности — Декраола. И я не вправе винить тебя в этом. Мои чувства к тебе не пропали, они превратились в нечто иное. Сначала в боль, потом в зависть и ненависть, переплетённую с воспоминаниями о той, кем ты была для меня. За годы в Аду всё это превратилось в равнодушие. Но ты вернулась и вскрыла старые раны. Ты всегда была светом, а я тенью, и хоть мы не могли существовать друг без друга, вместе быть не могли. Может быть, я убил тебя не просто руками, но и тем, что позволил тьме своей души взять надо мной верх. Теперь же ты свободна, а я узник. Узник своих решений, своей силы, своего предназначения. Ты ушла, Лиана, и вместе с тобой ушла последняя часть моей человечности. Я стою здесь не как твой убийца и

не как тот, кто когда-то любил тебя. Я стою тут как тень того, кем когда-то был. С обугленным сердцем и пустыми руками. Пусть земля тебе будет пухом, а мои слова последним напоминанием, что ты жила не зря. Я закончу эту войну, стану единым правителем — и больше не будет ни боли, ни смерти, ни разлуки. Обещаю тебе, — я приложил руку к её могиле и оставил отзвук своей магии — частицу себя, осколок души, которая разбилась в момент её смерти.

ГЛАВА 2

Становление

Во сне была лишь темнота. Не ночная и не привычная Адская, а вязкая и бесконечная. В ней не было ни неба, ни земли, ни даже воздуха. Только пустота, которая давила так, словно пыталась проникнуть под кожу. Эта тьма была моей тюрьмой, моим личным карцером. И в ней я был один. Даже тени, шевелящиеся на краю зрения, были лишь иллюзией. Они скользили по вечной черноте, никогда не приближаясь настолько, чтобы я мог их разглядеть, но всегда оставаясь рядом. Я пытался заговорить, но звук не рождался. Пытался бежать, но пространство вокруг было слишком вязким. Пытался взлететь, но огонь не загорался в крыльях. Сознание тонуло в тяжёлых мыслях. Что я делаю? Неужели это действительно моё желание? Вдруг я ошибся? Не пытаюсь защитить нас, а лишь подписываю нам приговор?

Образ Аурелии тонул в этих рассуждениях. Сердце сжималось каждый раз, когда я вспоминал её последние слова и своё обещание, которое так и не выполнил. Мне ничего не мешало вернуться в замок и сказать ей всё, что я чувствую. Но мне было страшно, что это сделает меня уязвимее, поме-

шает исполнить миссию. Даже несмотря на то, что она множество раз доказывала обратное. Она не моя слабость, напротив, она катализатор моей силы, решимости. Именно наши чувства заставляли меня двигаться вперёд, терпя боль. Так почему я до сих пор бегу? Потому что считаю себя недостойным?

Впереди нас ждёт война. Я поведу в бой полчища демонов. Не в битву ради свободы. Не ради правды. Даже не ради какого-то пророчества, сулившего мне перерождение в Истинного Повелителя. Для меня эта война — единственный способ защитить её. Даже моя собственная никчёмная жизнь — всего лишь утешение для неё. Тени вокруг будто шевельнулись в ответ, и их движение напоминало смех. Тихий, издевательский, ускользающий. И чем дольше я смотрел в бездну, тем яснее понимал — это не просто сон. Это мои собственные страхи и сомнения обретали форму.

Невозможно ощутить истинное течение времени в мирах бессмертных. Солнце Рая никогда не зайдёт за горизонт, и ночь Ада никогда не будет развеяна. Оттого неделя казалась вечностью. Я лежал на мягкой траве, пока свет, отражённый от серебряных граней её могилы, плясал по моему лицу. Он проникал под кожу, вызывая жжение — не сильное, но достаточное, чтобы не забывать о ней ни на секунду. Эта усыпальница была ещё и памятником моего падения. Человека, которым я был когда-то, больше не осталось. На Земле о Люцифере говорили, что он был самым прекрасным анге-

лом, который пал на самое дно Ада, где вмёрз лёд навечно. На самом деле он был там вечно. История о падении — это история Избранных. Никто из нас не был ангелом. Но каждый из нас нёс в себе частицы трёх миров. И каждый из нас в конечном итоге падал в самую бездну Ада. Ледяное озеро — метафора. Наши души охлаждаются к человеческой морали. А затем из этой тьмы вышел луч света. Родившийся из глупой ошибки, а может, по велению судьбы. Лиана. Она вознеслась в своей силе. Не погрузилась во тьму, несмотря на все соблазны. Напротив, её душа стремилась ввысь, сияя вторым солнцем на небосводе. И от этого ирония становится ещё уродливее: именно её кровь стала тем самым ключом, что отворил Врата Миров. А те самые слова о том, что цена этого ключа ломает меня, стали явью.

Внезапно я услышал гул. Но не физический — глубже, тяжелее, словно сама реальность вытянулась в струну, готовую вот-вот оборваться. Он проникал в самое естество, сотрясал внутренности, смешивался с шумом крови, бегущей по венам. Энергия была столь велика, что казалось в ней можно захлебнуться. Ритуал призыва был исполнен. Время пришло.

Земля под ногами содрогнулась. По её поверхности проступили трещины, из которых пробивалась раскалённая лава. По всей округе проступила чёрно-алая дымка. Воздух наполнился запахом раскалённого железа и гниющей плоти. С каждым мгновением дымка становилась гуще, превраща-

ясь в кровавый туман, в котором исчезли очертания Ада. Всполохи искр концентрированной магии вспыхивали во круг, создавая пульсирующее свечение, похожее на сердцебиение преисподней. Окружающая аура стала тяжёлой и маслянистой, будто сам мир сопротивлялся тому, что должно было произойти. Ткань реальности трещала по швам, словно разрываемая когтями древнего божества. Сначала был шёпот. Где-то на самом краю сознания. Он стремительно нарастал, пока не взорвался миллионами голосов. Они кричали рычащими голосами, сливаясь в безумный хор — в единый голос Ада. Он звал, требовал, манил. И когда призыв достиг своего апогея, туман разорвался. Из тысяч зияющих разломов в самом пространстве начали появляться фигуры. Сначала мелкие, искажённые твари, чьи глаза горели маниакальной жадностью, а голоса походили на скрежет когтей по стеклу. Стуком копыт по зеркальной поверхности ознаменовали своё появление жирные бесы — прислуга для моей армии. За ними — крылатые чудовища, в чьём взгляде читалась готовность рвать противника на куски. Их тела были облачены в одинаковую тёмную броню, будто выкованную для регулярной армии. Она напоминала облачение стражей Темнореца, делая некогда дикие орды похожими на настоящую армию. Следом появились архидемоны — исполины, чей рост мог достигать шести-семи метров. Их головы венчали сразу две пары рогов, между которыми лениво перетекали змеи тёмной энергии. Лучи света отражались от их

отполированной брони, цвета чистого обсидиана. Она была похожа больше на парадную, нежели на боевую.

Мир оглох от их рёва. Земля дрожала, будто сама боялась их касания. Кровавый туман дрожал и пульсировал в такт с их дыханием. Армия Ада стояла у границы миров, которую я для них распахнул. Бесчисленные орды, от мерзких тварей до величественных владык тьмы. Казалось, шум этого многомиллионного войска был слышен во всех трёх мирах. Их жажда насилия текла будто река, стремившаяся налиться кровью. Я стоял один, а передо мной — бездна, облачённая в плоть.

По мановению мысли подо мной появился пьедестал. Он словно возвысил меня перед кровавадной толпой, показывая, что я выше них. Это мои легионы, обязанные погибнуть по одной моей прихоти. Этот момент был квинтэссенцией моего пути, моей власти, которую я вырывал кровавыми когтями у судьбы. Миллионы глаз, чёрных, как бездна, со зрачками, тлеющими, как угли, устремились на меня. Они давили, выбивали воздух из лёгких и заставляли сердце биться быстрее. В них не было преданности. В них читался голод — крови, битвы, приказа. Мои крылья застилали солнце Рая. Демоны замолчали в едином порыве, и оглушающая тишина повисла в воздухе. Мне нужно было что-то им сказать, показать, кто среди нас пастух, а кто лишь стадо, повинующееся моей воле. Но я не знал, что сказать. Это был тот редкий случай, когда не хватало Люцифера, нашёптывающего слад-

ковато-ядовитые слова, способные очаровать их. Но здесь, между мирами, в нулевой точке нашей войны я остался один. И мне больше не на кого рассчитывать.

— Братья и сёстры Ада! Отродья тьмы, порождения бездны, воины, чьи сердца пылают вечным пламенем ярости! Я стою перед вами сегодня не как чужак, а как один из вас. Имя моё — Декраол, Истинный Избранник Ада, ученик Люцифера. Я тот, кого избрала сама судьба, чтобы вести вас по пути хаоса и огня. Преисподняя призвала меня простым смертным, блуждающим в мире людей, слепым к истинной силе, которая таится в тенях. Но тьма призвала меня, и я ответил ей. Прошёл сквозь муки перерождения, отдал свою душу на растерзание бездне, был перекован в горниле Адской кузни, пережил то, что уничтожило бы любого из вас. И вырвать право называться генералом из цепких лап предназначения. Мои вены полны той же ярости, что и ваши, мои когти остры и навсегда пропитаны запахом железа, моя воля негибаема как клинок, готовый вспороть небеса и обрушить их на врагов. Люцифер пришёл ко мне, когда я был сломлен и увидел во мне искру, которую невозможно было погасить. Он уничтожил меня, чтобы из праха былой слабости восстал полководец. Он учил меня искусству войны, хитрости теней и мощи, которая рождается из ненависти. Люцифер раскрыл мне секреты, которые сделают нас непобедимыми. Я стал не просто его учеником, но его наследником и докажу каждому из вас, что достоин этого на поле боя. Смотрите на меня,

воины Ада! Я не прячусь за стенами из плоти и не шепчу проклятия в темноте. Я стою здесь, лицом к лицу с вами, готовый идти в первых рядах. И моя сила — это ваша сила! — толпа заворуженно смотрела на меня, их глаза, казалось, не моргали. — Взгляните, за этой чертой простирается Рай. Тот самый, в который вам когда-то было отказано войти. Там находятся те, кто веками упивались своим лицемерием. Они называют нас падшими, но кто они такие, чтобы судить? Их хоры поют о мире и добре, но это ложь, скрывающая их страх перед нашей мощью. Вы — демоны, рождённые в огне Геенны. Ваша ненависть — это наше оружие! Ваш враг там, и это сильный враг. Непрощающий. Но я смотрю на вас и не вижу страха, лишь решимость смести священный город и обратить Ангельские Крылья в прах. Под моим началом орда дикарей станет мечом в длани апокалипсиса. Мы пронесёмся ураганом тьмы по этим землям, пока последний ангел не падёт жертвой нашей несокрушимой силы! Я, Декраол, ваш генерал, клянусь своей жизнью, что не отступлю, пока сам Яхве не будет повержен моим тёмным пламенем! Вперёд, мои воины! Пусть ваша ненависть разгорится ярче, чем огонь Геенны. Мы идём на Рай как завоеватели! За тьму! За победу! Рычите со мной и пусть небеса сотрясуются от вашего марша! — в азарте своей речи я незаметно для самого себя вознёс руки к небу. Казалось, слова сами рождались на языке.

Мои глаза горели, а речи лились тем самым сладким ядом,

которым Люцифер травил меня все эти годы. Но я не верил и в половину сказанного. Ненависть, сила, триумф Ада... Как же легко они глотают эту чушь. Их глаза жадно вспыхивали, стоило упомянуть кровь ангелов, хоть ни один из них не видел ни одного пернатого вживую. Рай, Ад, армия, сама война — это все лишь декорации, сцена для моей истинной цели. А эта орава — всего лишь инструмент, расходный материал, острые, как клинки, но такие же безмозглые. Их ненависть — это топливо, которое будет подпитывать меня на пути к господству. Исполнение пророчества обещало мне единственную возможность обрести вечную жизнь с Аурелией. И ради этого я готов вести их хоть на небеса, хоть в самую бездну.

Замолчав, я ожидал криков одобрения, ликования, преклонения, но получил в ответ лишь звенящую тишину. Демоны переглядывались, перешёптывались, что-то им не нравилось. В их природе заложена непреодолимая жажда насилия — они готовы вцепиться в любого по надуманному поводу. Я предложил им войну — главный источник насилия в их жизни. Почему же они молчат? Может они боятся? Но демоны боятся только силы, а ангелов они считают слабыми. Тогда что же с ними не так?

— Слабак! Человеческий червь! Недостойный! — толпа взорвалась негодованием.

Дело не в их трусости. Армия не признавала меня генералом. Они не признавали моих заслуг, моей мощи. Конеч-

но, каждый из них видел, как Геенна Огненная создавала демонов: чем более могущественная душа сгорала, тем более крупный демон рождался. А моё тело осталось размером с человека. Потому что моя энергия сосредоточена в душе, а не распределена по организму.

— Назначим же достойного! Пусть нас ведёт тот, чья сила видна издалека, а не тот, кого не видно среди наших ног! — один из архидемонов потребовал сместить меня. Первый же бунт случился, не успел я вступить в должность.

— Вы смеётесь, видя человека среди вас? — тихо прошипел я, но мой голос слышал каждый. — Вы презираете мой размер, мою кровь, моё право. Для вас сила в толщине панциря, длине когтей и вашего роста в холке. По-вашему, я недостаточно силён? Но именно я стою на вершине, а вы копошитесь внизу. Именно я сломил барьер между мирами, что не удавалось никому. Именно я уничтожил шестёрку сильнейших, чтобы обрести могущество, которое и не снилось никому из вас.

— Ложь! Слабак! — демоны не унимались, напротив, их желание разорвать меня на кусочки и прорваться в Рай дикой ордой лишь нарастало.

— Я могу уничтожить любого из вас щелчком пальцев, — мой взгляд медленно прошёл по толпе подо мной. — Но вам же этого мало. Даже если я сразу архидемона... — я посмотрел в глаза тому самому заговорщику, — ...вы посчитаете, что он был слаб, — толпа поутихла, им стало интересно, что

я предложу. — Я убью опраглу, — толпа взорвалась хохотом. — Сразу двух, — демоны поутихли, но всё ещё смеялись. — Голыми руками, — они затихли.

То, что я сказал, было чистейшим безумием. Простые демоны погибали сотнями на охоте за этим зверем. Лишь некоторые, самые могущественные архидемоны, могли выйти на опраглу в одиночку. Но даже в этом случае погибали девять из десяти. И это при том, что они были закованы в лучшую броню и держали в руках непревзойдённое оружие. Толпа радостно гудела. Она жаждала увидеть кровавое зрелище: как меня разорвут на куски или агонию в моих глазах, когда ядовитый шип пронзит моё сердце.

Пьедестал опустился. Толпа разошлась. Я взмахнул рукой, и земля с тихим гулом расступилась, создавая глубокую яму. По краям появились каменные шипы, не для красоты или антуража, а чтобы опраглы не сбежали. С возрастом они становятся полумразумными. Иногда они даже примыкают к великим кланам. Такие особи гораздо сильнее и опасней диких тварей, которых я встречал раньше. Это событие возносит клан на совершенно иной уровень и позволяет добавить изображение опраглы на свой герб. Пару таких я видел в толпе.

Архидемоны подвели их, словно псов на поводках. Опраглы смотрели на меня с края арены. В их глазах не было жизни, лишь бесконечная ненависть вперемишку с пустотой. Они были облачены в лёгкие доспехи, сделанные скорее для

красоты, чем для боя. Демоны шумели, кажется, они делали ставки на то, какая опрагла меня убьёт и как быстро. Наивные глупцы.

Опраглы спустились на мою импровизированную арену. Грациозно и почти бесшумно, несмотря на их размер. Они двигались синхронно, будто идеально сложенный механизм. Их движения гипнотизировали. Мышцы плавно перекачивались под толстой кожей, приподнимая бронепластины. Их острые когти, поверх которых были тонкие пластинки из чёрного Адского золота, оставляли глубокие борозды в каменистой почве. Их хвосты извивались за грозными спинами, будто живые змеи, следящие за каждым моим движением. Малейший шорох от моих ног заставлял их уши настораживаться. Даже отсюда я видел куски мяса, застрявшие в бесконечных рядах острых зубов. До меня доносился сладковатый запах гнили из их пастей. И во всём этом читалось лишь одно намерение: «Убить».

От напряжения я почти не слышал воплей толпы, лишь шум собственного сердцебиения в ушах. Липкий, кровавый пот пропитывал одежду. Глаза метались между зверями, ожидая их первого шага. Перед глазами встала картина искалеченной морды дикой опраглы, которую я убил несколько лет назад. Даже смертельно раненная, она представляла настоящую угрозу. Эти две были намного сильнее. За эти несколько минут я тысячу раз пожалел о сказанном. Силуэт меча почти незаметно горел в моей руке. Он жаждал ма-

териализоваться и напиться пропитанной ядом кровью. Но сейчас это означало бы слабость.

Не было ни рыка, ни оскала. Опрагла бросилась на меня, сильнее раскрывая и без того длинные, словно кинжалы когти. Мой магический щит рябил от близости поля антимагии. Обычно это поле действует лишь на крошечном расстоянии от бронепластин, но сейчас его эхо заполнило всю арену, делая магию нестабильной. Когда когти почти коснулись моего лица, я ушёл под зверя, двигаясь почти в ритме танца. Мои пальцы сжались на мускулистом предплечье зверя. Рывок. Казалось, она весила тонну. Её тело описало дугу в воздухе и приземлилось на спину, подняв в воздух осевшую пыль и мелкие камни.

Еле слышный звук, будто летящая стрела, достиг моего уха. Я резко дёрнулся вбок и увидел зеленоватый коготь на конце хвоста второй опраглы — он пролетел в сантиметре от моего глаза. Она не приближалась, намеренно держалась на расстоянии, орудуя лишь удлиняющимся хвостом, словно отравленным хлыстом. Лежащая на земле опрагла быстро вскочила на четыре лапы. Она скалилась, понимая, что этот бой не будет лёгким. Части её искусного доспеха были расцарапаны и покрыты грязью. Демоны взорвались криками. Они не болели за кого-то из нас, они наслаждались действием.

На кончике моего пальца появилась сине-фиолетовая искра. Мир на мгновение погрузился в негатив. Ярость молнии

обрушилась на опраглу. Этого заряда должно было хватить, чтобы испепелить дикого зверя. Поток пробивался сквозь помехи, словно сквозь смолу. Демоны не могли этого заметить, но я чувствовал, что контроль за энергией требует гораздо больших усилий, чем обычно. В ушах зазвенело от грома, когда молния ударилась о бронепластины, оставляя на них глубокие ожоги. Но не более. Опрагла взревела. Её рык пробивался сквозь звон в ушах не болью, а нарастающей яростью. Грациозный зверь на глазах превращался в бесконтрольный комок ярости.

И тут я почувствовал укол. В пылу сражения я забыл про вторую опраглу. Она выжидала момента, сохраняя холодную решимость. Яд быстро распространялся по кровотоку, выжигая болевые рецепторы, словно раскалённым металлом. Мышцы отказывались слушаться. Мир сузился до белой точки, которая пульсировала болью тем сильнее, чем быстрее билось моё сердце. Первая опрагла гордо вышагивала передо мной. Её оскал стал напоминать улыбку. Она больше не была моим противником. Она превратилась в моего палача. Опрагла с наслаждением облизывалась толстым раздвоенным языком. Не каждый день у неё на обед мясо Избранного. Её морда приблизилась к моему лицу. Короткие, жёсткие усы касались моей кожи, а вонь из пасти практически выбивала почву из-под ног. Она медленно, почти театрально раскрыла рот, намереваясь сделать первый укус.

Удар. Осколки острых зубов посыпались на землю, уто-

пая в пепле. Магия крови как раз успела создать антитела к яду второй опраглы, и контроль за телом возвращался ко мне. Кровь вымывала омертвевшие клетки мышц, замещая их новыми, более сильными. От неожиданности опрагла отпрыгнула, в её взгляде читалось недоумение. Она недооценила противника и именно это вызвало искорку страха на краю взгляда самого опасного зверя Ада.

Воспользовавшись моментом, я схватил хвост второй опраглы. Коготь, торчавший между рёбер в области сердца, отломился и мгновенно сгорел прямо внутри меня. В отличие от тела, хвост не был покрыт бронёй. Он ощущался склизким, слегка липким, будто огромный червь. Внутри него не было даже кости, лишь пучки мышц и сухожилий, связанные в единое смертельное оружие. Я сжал его изо всех сил и рванул на себя. С влажным хрустом хвост отделился от её тела. Раздался рык, полный боли, и рёв толпы, всё сильнее обуянной жадой крови. Опрагла рванула на меня от отчаяния: в её движениях не было той грации и холодного расчёта, лишь попытка завершить начатое. Она беспорядочно махала лапами, пытаясь дотянуться до моего лица, но её когти лишь натыкались на броню из лавы на моих предплечьях. Она жгла её всё сильнее с каждым ударом, вызывая всё большую ярость. И ослеплённая своим исступлением опрагла совершила ошибку, раскрыв пасть в очередном рыке. Моя рука скрылась в темноте её глотки по самое плечо. Зубы сомкнулись, но не могли прокусить панцирь, покрытый лавой.

Я чувствовал давление мокрой плоти, сжимающей меня и одновременно пытающейся избавиться от инородного тела. Я взглянул в глаза опраглы исподлобья и улыбнулся тремя рядами зубов. Шипы моего панциря удлинялись, подчиняясь магии крови. Они словно иглы пронзали плоть, разрывая зверя изнутри. Поле антимагии не действовало внутри, чтобы не мешать регенерации, но это же и сыграло с ней злую шутку. Из пасти вырывались потоки тёмной, густой крови. Она стекала по моему телу, распространяя запах ржавого железа, который оседал на языке.

Первая опрагла наблюдала со стороны, не в силах шевельнуться. Это чудовище боялось. Впервые перед ней стоял монстр, который во всём превосходил её, и она чувствовала это. Эхо её сердцебиения доходило до меня сквозь почву, сквозь топот толпы вокруг нас. Наверно впервые с момента, как она открыла глаза, перегрызая собственную пуповину, опрагла испытывала настоящий страх. И его запах витал в воздухе, прогоняя смрад Ада.

Когда я вырвал руку из пасти уже мёртвого зверя, толпа молчала. Не знаю, что они видели во мне — генерала или, может быть, сам апокалипсис — но сомнений в моей силе не осталось ни у кого. Живая опрагла упала к моим ногам. Она больше не пыталась драться, лишь молила о пощаде. Показать им, что генерал Ада может быть не только жесток, но и милосерден.

— Ну что, ничтожества, вы убедились в моей силе?! —

мой крик прошёлся по долине раскатом грома. — И что же мне делать с этой дрожащей тварью? Пощадить? Или добить?

Демоны взорвались в едином порыве. «Убей! Убей! Убей!» — доносилось отовсюду, будто сам Ад взывал ко мне. Они показывали большие пальцы, опущенные вниз. Никогда не видел их настолько сосредоточенными на общем деле.

— Да будет так, — пафосно протянул я.

Опрагла превратилась из могучего зверя в безобидную зверюшку, от которой несло мочой. Она лежала на земле, прикрывая глаза лапами. Её когти, сотрясаясь от страха, царапали кожу на морде. Кровь капала на землю перед ней, словно слёзы. Я обошёл вокруг неё. Мой взгляд медленно скользил по ней. Остатки роскошной брони лежали в земле, поблёскивая в лучах света. Что же мне с ней сделать? Может, применить высшую магию, показать, что моя мощь выходит за рамки правил этого мира? Или освежевать её голыми руками, пока она воеет от боли? Кажется, она чувствует мои намерения. Её дрожь только усиливается вместе с потоком крови. Я с силой пнул её в бок, переворачивая на спину. Опрагла заскулила от резкой боли. Брюшина, хоть и скрытая теми же пластинами, была гораздо уязвимее спины. Отсюда я и начну.

Вдруг мир пошатнулся. Не было ни боли, ни звука. Лишь вспышка когтей, покрытых тёмно-красной жидкостью. Когда моё тело коснулось земли, я увидел свои отрубленные

по колено ноги, заваливающиеся в сторону. Опрагла схватила меня зубами, несмотря на обжигающую лаву моей брони. Тварь больше не боялась, она отчаянно цеплялась за жизнь, вырывая её из ледяных объятий смерти, предлагая ей меня взамен. Опрагла прижала меня к стене арены и вонзила в меня когти. Они прошли сквозь броню и панцирь, буквально приковав к краю арены. Она кусала, царапала. Издавала звуки ярости вперемешку с ужасом. Боль она уже не чувствовала.

Магия крови с трудом успевала восстановить мою плоть между атаками. Но медлить было нельзя. Поле антимагии заставляло меня тратить слишком много энергии на защиту, оставляя всё меньше возможностей для контратаки. Я вонзил пальцы в сочленение брони на её груди. Чувствовались подобные стали рёбра под толстой кожей. Энергия текла от сердца к мышцам, наполняя каждую клетку. Мышцы, словно стальные жгуты, напряглись. Когти опраглы внутри меня трещали, перемалываясь о стремительно твердевшую плоть. Руки рванули в стороны. Со звуком разрываемого металла её грудина раскрылась, обнажая бешено колотящееся сердце. Я схватил этот огромный пульсирующий кусок мяса и сжал изо всех сил. Руки прошли сквозь волокнистое мясо, будто это был гнилой мешок с навозом. В нос ударил смрад, от которого заслезились глаза. Огромное адское чудовище, ещё мгновение назад источавшее ярость и отчаянье, осело, будто подкошенное. Глаза опраглы мутнели, а рёв сорвался в

хрип. Могучие лёгкие в последний раз набрали воздух, чтобы в следующую секунду испустить дух навечно. Чтобы не упасть перед моим войском, я раскрыл крылья и взлетел над ареной. Ноги появлялись на глазах, будто соткались из воздуха.

— Де-кра-ол! Де-кра-ол! — скандировала толпа.

Они приняли меня. Нет. Они приняли мою силу. Почувствовали, что именно я достоин их вести. Почувствовали, что лишь я достоин этого. Отныне эти грязные дикари будут слушаться только меня.

Я приземлился в толпе. Они расступались. Кто-то падал на колено. Слышались клятвы верности. Вихри этой власти пьянили меня. Будто я наконец попал туда, где и должен был оказаться. И среди этой раболепной вакханалии меня привлёк лишь один момент.

Демоны несли мешочки с золотом куда-то чуть ближе к границе. Они явно расплачивались по ставкам. И абсолютно все, с кислыми лицами, несли свои деньги кому-то в толпе. Пора показать им, что в моей армии не место такому, и первым делом накажу того, кто собирает с них плату.

Словно по команде демоны расступились, стоило мне поднять руку. Среди высоких демонов, с лицами как у побитых собак, стояла хрупкая фигура. Она была облачена в лёгкую броню, в которой чувствовалась древняя сила. Даже часть игривого хвостика была скрыта сталью. Её некогда непослушные рыжие волосы были сплетены в толстую, но из-за

этого не менее изящную косу, которая лежала между двумя маленькими, почти игрушечными крылышками.

— Аурелия, — у меня перехватило дыхание, сбив всю спесь.

— Декраол, — она обернулась и свет Рая упал на её невинное лицо.

— Что здесь происходит? — демоны пятились назад, оставляя нас на клочке земли, заваленном золотом.

— Представляешь, никто не сделал ставку на то, что ты выиграешь. Я поставила всего десять тысяч роквасов и, кажется, обеспечила нам безбедную жизнь, — она показала на золото вокруг нас и засмеялась.

— Думаю, ты поступила нечестно, ведь точно знала исход поединка, — я подошёл к ней и положил руки на талию.

— Может и так, — она подмигнула мне, кладя свои руки мне на шею. — А теперь исполни обещание.

— Аурелия, я люблю тебя, — наши губы сомкнулись под оглушительный рёв толпы.

ГЛАВА 3

Плацдарм

Демоны удивляли меня. Казавшиеся неотёсанной ордой, они быстро смогли наладить производство прямо на границе миров. Казалось бы, прошло совсем немного времени с момента моего триумфа, а окружающий пейзаж не узнать. Солдаты выкорчевали ближайшие деревья, используя их как топливо для доменных печей. Плотный дым закрывал вечное солнце, словно окутывая его тьмой и ослабляя жжение от его лучей. Бесперывно в округе слышались удары молотов о наковальни. Кузнецы ежедневно перерабатывали тонны металла, которого оказалось в избытке с Адской стороны границы. Поражало, насколько изысканными могут быть работы, выкованные столь грубым инструментом. И без того прочные демонические латы укреплялись особым сплавом, полученным из местного железа. Оно хранило в себе сгустки хаотичной силы, помогающей воинам эффективнее направлять энергию в бою.

— Это напоминает систему магических вен и артерий, — поджарый кузнец вертел перед собой крупный самородок. — Никогда не видел такого материала.

— Попробуй сделать из него что-нибудь необычное, — я провёл пальцем по металлу, и он словно откликнулся на мою магию. — Сотни тысяч лет он впитывал в себя энергию Врат, превращаясь во что-то новое.

— Дайте мне недели две, генерал, и я удивлю вас, — кузнец улыбнулся мне, хотя эта улыбка больше смахивала на оскал.

Как я и думал, каждая травинка была вытоптана армией Ада на много километров вокруг. Плодородная почва быстро высохла и потрескалась, будто сама преисподняя наступала, забирая себе земли Рая. Лишь одинокий нетронутый островок стоял в центре этого хаоса. Трава вокруг неё немного пожелтела, но держалась из последних сил. Серебро её могилы отгоняло демонов и подпитывало жизнь вокруг себя. Каждый раз, когда этот блестящий монумент попадал мне в глаза, я забывал о чём думал. От него веяло подавленными воспоминаниями, невысказанными чувствами. Никто не знает его тайны. Даже Аурелия. Суеверные демоны уже решили, что это проклятый серебряный камень. А кто подойдёт к нему, тот падёт в первом же сражении, не почувствовав вкуса ангельской крови. Задумавшись, я не заметил, как врезался в одного из архидемонов.

— Как ты посмел дотронуться до меня, ничтожество, — гигант обернулся на меня, и его лицо мгновенно побелело. — Генерал, извините меня, я не думал, что ваше превосходительство окажет честь совершить визит в столь ничтож-

ный клан, — на их гербе была опрагла, значит это один из восьми сильнейших кланов. — Я отрежу собственный язык и преподнесу его вашему великолепию, — архидемон вынул из-за пазухи искусной работы нож и вытянул свой язык двумя пальцами.

— Стой, — я схватил его за руку, слышался сдавленный стон. — Это лишнее. Как твоё имя?

— Заргос, генерал, Заргос Алгийский, наследник клана Алгия Безупречного, названного первым в великом роду, — эта фамилия. Она словно плетью ударила меня по лицу сквозь годы. На языке появился тот самый гнилостный привкус.

— Оранло Алгийский, это имя тебе о чём-то говорит? — я прищурился, глядя немигающим взглядом ему прямо в глаза, показывая всем своим видом, что не потерплю ложь. Архидемон сжался, явно жалея, что назвал мне своё имя.

— Оранло был одним из лучших младших воспитанников, — наконец заговорил он. — Клан возлагал на него большие надежды. Однажды его призвал сам Люцифер, и с тех пор его след пропал. Его имя выведено золотом в гербовой книге. Говорят, он погиб героем...

— Он сдох жалким червём, — прошипел я. Мои пальцы неосознанно сомкнулись, ломая толстые кости, будто солому. Демон взвыл от боли и упал на колени. — Вычеркни его имя из книги. Нет. Сожги книгу и перепиши её заново. Его имя должно исчезнуть.

— Да, ваше великолепие, — простые демоны глазели, как я отчитываю архидемона одного из великих кланов, словно нашкодившего пса.

Я отпустил его руку и под сотни взглядов пошёл дальше осматривать лагерь. Повсюду были разномастные палатки: от гигантских, словно кожаный дворец с охраной у входа и шпилями из чёрного золота, до плащей, растянутых на кольцах. Здесь был даже свой квартал красных фонарей, в котором целая армия суккубов обслуживала моих бойцов. Повсюду сновали бесы — торговцы, которые пачкали руки в крови ради сиюминутной выгоды. Они торговали всем подряд, вынюхивая выгодную сделку, будто крысы в поисках помоев. Я их презирал — их свиноподобные рожи, маленькие копытца, цокающие по камням, крошечные хитрые глаза. Мне хотелось вырвать эту гниющую опухоль, но даже при всём желании нельзя было этого делать. Этот лагерь был миниатюрной версией Темнореза с его пульсирующей тёмной энергией. Здесь выстроилась своя особая экосистема — опасная, но увлекающая всё глубже, пока не станет слишком поздно и бездна не схлопнется. И стоит нарушить хоть один из его столпов, всё тут же рухнет как карточный домик.

Ветер подул, принеся с собой запах навоза. Немного дальше по дороге была крупнейшая конюшня из всех, что я видел. Тысячи демонов ухаживали за безграничным стадом адских лошадей. Их было много в Темнорезе, но, когда они собираются в одном месте, это становится похоже на дышащее

жаром кострище. Оно смердит фекалиями и сверкает бесчисленными красными глазами, подобными тлеющим углям. Но для боевых действий подходили лишь некоторые, лучшие из них. Как оказалось, эти лошади размножаются подобно кроликам и очень быстро набирают вес. Именно они были основным источником мяса для армии. Земля в округе была похожа скорее на болото, ноги утопали в грязи по щиколотку. Казалось, что можно заманить сюда ангелов и смотреть, как их войско сгинет без единого взмаха меча. Прямо по улицам текли реки крови из скотобойни. Несмотря на то, что её построили в овраге, округу постоянно оглушали дикие звуки умирающей скотины. Демоны не отличались гуманизмом, поэтому в основном ранили лошадей копытами и ждали, пока они истекут кровью. Это отлично оплачиваемая работа, а платить много готовы лишь за смертельную опасность. Почти ежедневно кто-то погибал под копытами огромных злых животных, размером со слона.

Бедность — это не порок и не грех. Но демоны так не думают. В этом обществе, если ты не можешь позволить себе кусок мяса на обед и женское тело после ужина, то ты никто. Безродный, какая бы фамилия ни стояла после твоего имени... В этом было что-то человеческое. В конце концов эти существа перерождались в Геенне Огненной со всеми своими убеждениями, отяжелённые грехами земной жизни. В нижнем мире всё это было возведено в абсолют. Несмотря на прямой запрет убивать в Темнорезе, с бедняками не счита-

лись, и стража закрывала глаза на произвол. Они сбивались в банды, пытались выживать, но в конце концов лишь погибали в схватках с такими же отбросами, как они сами.

— Господин, — чей-то хриплый голос за спиной вырвал меня из раздумий. Я развернулся, передо мной стоял немного сгорбленный демон в плаще из лоскутов изысканной ткани поверх общевойсковых лат. — Позвольте выказать вам моё безмерное уважение, — он быстро взглянул в мои глаза без тени страха и низко поклонился.

— Как твоё имя? — я разглядывал его, и что-то в нём было не так. Он пытался выглядеть бедняком, но мелкие детали, вроде покрытых грязью колец из чёрного золота, говорили сами за себя.

— Оберон Безродный, господин, к вашим услугам, — он снова поклонился, но на этот раз ещё ниже.

— Кто ты, Оберон, — я прищурился, глядя ему в глаза.

— Всего лишь ничтожное пресмыкающееся, грязный оборванец, — он смотрел на меня, но не как на господина или генерала. Он смотрел на меня, словно считал себя равным мне.

— Почему же ты так унижаешь себя, Лорд Нищих? — его глаза сверкнули, а уголки рта дрогнули кверху.

— Я так польщён, что великий Декраол слышал о столь незначительной пешке на его доске, — он быстро облизнул губы, словно смакуя свои же слова.

— Что ты хочешь, Оберон? — я сложил руки и посмотрел

на него будто на торговца, предлагающего выгодную сделку.

— Всю свою долгую жизнь я скитался по помойкам Темнореза, жил в канализации в окружении таких же бедолаг, занимался самой тяжёлой работой, чтобы прокормить...

— Ближе к делу, — раздражённо прервал его я.

— Нищие будут верны вам до последней капли крови, если вы разрешите мне создать свой клан и объединить под его гербом всех обездоленных, — его слова сквозили ложью. Он хотел не блага для своего народа, а лишь утверждения своего статуса.

— Я лично признаю великий клан родоначальника Оберона Лорда Нищих после войны, если твои люди будут драться в первых рядах, — я протянул ему руку. В мои планы не входило раздавать политические обещания, но такова роль правителя.

— Не смею просить о большем, повелитель, — он схватил мою руку и несильно сжал её как печать заключённой сделки. Мы оба понимали, что пушечное мясо необходимо подпитывать пропагандой и обещанием лучшей жизни. Никто лучше него с этим не справится.

Оберон исчез так же внезапно, как появился. Эта прогулка утомляла меня. Совсем недавно весь мой мир состоял из замка и его окрестностей. Годы, проведённые там, казались бесконечностью. А единственными живыми существами вокруг меня были Люцифер и Аурелия. Но эта война, ещё даже толком не начавшаяся, уже меняла мой привычный уклад

жизни. От этого пухла голова. Приходилось обдумывать всё на сотни шагов вперёд, глубже и глубже запутываясь в паутинах интриг и заговоров. Нельзя представлять интересы лишь великих кланов, как нельзя рассчитывать лишь на нищету. Они все винтики в моей военной машине, которые не будут работать друг без друга. И лишь на моих плечах лежит этот хрупкий баланс.

В животе заурчало. Сколько я уже хожу здесь? В этом месте вечного сумрака было ещё сложнее понять течение времени. Лишь голод становился индикатором того, что время не замерло. Большинство демонов питались в общей харчевне. Крупные кланы создавали собственные, более приличные таверны. Казалось, они всю свою историю готовились к этому моменту, ведь даже поваров своих они взяли с собой. У меня же был личный повар.

— Пожрать зашёл? — бес в фартуке из бордовой кожи стоял, лениво почёсывая жирное брюхо и глядя на меня заплавленными от жира пороссячими глазками.

— Неужели ты не испытываешь благоговейного ужаса при виде своего генерала, Ксарвель? — спросил я, приподнимая бровь и глядя ему в глаза.

— Для кого-то ты генерал, а для кого-то странный клиент, зажавший двести пятьдесят роквасов за первоклассную отбивную из лошадиной гривы и жареные хрящи, — он беззаботно ковырял в ухе толстым пальцем.

— Вообще-то я отдал свой долг, — небрежно бросил я,

сядаясь за каменный стол.

— Госпожа Аурелия отдала, — он произнёс её имя мечтательно, словно влюблённый. Впрочем, это не удивительно, я часто замечал взгляды окружающих на Аурелию. Даже разговоры становятся тише, когда мы вместе идём по лагерю.

— Сделай мне стейк с кровью, — я откинулся на стуле и закинул руки за голову.

— Всё время кровь-кровь, ты будто помешан на ней, — бубнил он, пока шёл на кухню.

Ставшие привычными звуки умирающей жертвы раздались за занавеской. До сих пор я не удовлетворил своё любопытство, в основном потому, что боюсь увидеть что-то похожее на то самое вымя для вина. Послышался звук касания металла о камень: Ксарвель, несмотря на свой вид, был непревзойдённым мастером кулинарии, способным сделать из протухших кишок блюдо, достойное королей. Я лично дал ему эту должность генеральского шеф-повара. Я слышал, как он шинковал мясо, как трещал металл разогревающейся сковороды и шипело мяса на масле. До меня доносились ароматы трав, которые он собирал лично прямо возле границы. Обычно горькие для демонов, райские травы в его исполнении подчёркивали вкус еды не хуже, а подчас даже лучше, чем адские. Наконец, был последний звук — мяса, шлёпнувшегося на тарелку. Ксарвель вынес своё очередное произведение искусства и поставил передо мной вместе с кубком кислящего вина из вымени — пить здесь было боль-

ше нечего.

Я сделал первый надрез и кровь хлынула из стейка, будто из свежей раны. Ксарвель всегда с любопытством наблюдал, как я проглочу первый кусок. Но его не пришлось глотать, мясо буквально растаяло на языке, распавшись на волокна. Горячий сок хлынул в пересохшее горло вперемешку с выделившейся слюной. Специи раскрывались по очереди, усиливая и подчёркивая изысканный вкус мяса. Даже пресловутая кровь была сладковатой на вкус. Хотелось не просто есть. Хотелось схватить весь кусок и насильно запихнуть его себе в глотку и погибнуть тут же, задохнувшись от наслаждения. Я намеренно не прикасался к кубку. Запить столь великолепный вкус этими помоями означало бы кошунство.

— Что ты хочешь, Ксарвель? — спросил я с набитым ртом.

— О чём ты? — он встрепнулся, будто его вырвали из царства грёз.

— Каждый что-то просит в награду за выигранную войну, а чего хотел бы ты? Денег, власти, женщин? — этот хамоватый бес был одним из немногих, кто ещё ни разу не обратился ко мне с просьбой.

— Не знаю, — протянул он. — Можешь дать мне небольшое здание рядом с твоим дворцом в качестве нового кафе, если перенесёшь столицу. Если будешь править из Темноре-за, то я всем доволен.

— Ксарвель, ты получишь лучший ресторан во всех ми-

рах и мою личную защиту, обещаю, — помпезно сказал я, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Да вот ещё рестораном мне заведовать, — пробубнил он про себя, уходя на кухню.

По плану после ужина я хотел осмотреть, как продвигается строительство осадных орудий. Гильдия ремесленников ещё в первые дни представила мне чертежи требушетов и таранов. Обрывки университетских знаний позволяли понять физику их работы, но не более. Для ведения полноценной войны нам нужны были эти механизмы. Но демоны хотели лишь разрушать, а мне нужно было что-то для их защиты. Если бездумно бросать солдат в мясные штурмы, то до Крыльев дойду я один.

Я услышал гомон толпы ещё на подходе. Рабочие вразнобой кричали что-то нечленораздельное. Работа стояла, инструменты были раскиданы по округе. Напряжение в толпе почти достигло точки кипения. Истинно искусные ремесленники среди демонов были редкостью, и почти все они сейчас сосредоточены здесь. Если я потеряю их сейчас, то эта война будет проиграна ещё до начала.

Лагерная стража уже обнажила клинки и была готова подавлять бунт силой. Ремесленники держали в руках самодельные копья, сделанные из болтов для баллисты. Это была огромная пороховая бочка, рядом с которой кто-то упорно чиркал спичкой. Крылья за моей спиной вспыхнули чёрным пламенем, и я рванул вперёд. В моей руке материализовал-

ся клинок, руны на нём, подобно проклятию, сияли в сумерках. Страж уже поднял свой меч для первого удара, который означал бы конец всем моим планам. Лезвие его клинка вошло в сырую землю почти наполовину, когда я отрубил ему руку по локоть. Он взревел от боли, не понимая, что происходит. Толпа ринулась друг на друга, сверкая сталью.

— Довольно! — мой голос громом ударил их и земляной вал поднялся, разделяя воинственные отряды. — Какого чёрта здесь происходит?!

— Генерал, ремесленники отказываются работать, более того, они собирались сжечь то, что уже создали, — сержант стражи отрапортовал поставленным голосом.

— Это саботаж, — земляной вал осел, показывая перепуганных рабочих. — Это война! А саботаж на войне карается смертной казнью, — прошипел я.

— Повелитель, — из толпы вышел трясущийся от страха демон, на нём были самодельные очки, а на поясе висела сумка с чертежами, кажется, он здешний инженер. — Позвольте обратиться, вы всё не так поняли.

— Как твоё имя? — я осматривал его с головы до ног, отчего ему становилось особенно неуютно.

— Скарвекс Ируваский, потомок...

— Великого клана, основанного Ирувасом Умнейшим, — закончил я за него. — Что ремесленный клан не поделил со стражей?

— Повелитель, стражи тут ни при чём, — он поправил

очки и глубоко вздохнул. — На рабочих возложена великая миссия по обеспечению армии осадными орудиями. Но наш мастер-наставник, глава клана, архидемон Моргаст Ируваский, заставляет нас работать на износ — по тридцать шесть часов подряд. Многие уже выдохлись настолько, что предпочли смерть работе.

— Мы готовимся к войне, Скарвекс. Ангелы знают о том, что Врата пали, они готовятся. Без ваших орудий нам не победить, — я положил руку ему на плечо. — Понимаю, вы устали, но время работает против нас.

— Повелитель, если вы позволите, — он выпрямил спину, набираясь храбрости. — Я создал чертежи новых инструментов и станков, которые позволят нам в разы ускорить производство. Но старик Моргаст не позволяет мне внедрять их в производство. Он считает, что старые методы дисциплинируют, а новые лишь разбалуют рабочих.

— И правильно считаю, — из толпы стражей вышел бородастый архидемон. — Повелитель, не слушайте эту мелюзгу. Я руковожу кланом тридцать тысяч лет, а его взяли на попечение всего сотню лет назад. Его идеи опасны, они противоречат самой сути демонов — сеять хаос и разрушение.

— Солдаты — не пушечное мясо, Моргаст! — Скарвекс словно забыл о моём присутствии. — Мы должны думать о том, чтобы защитить наше войско не меньше, чем о том, сколько ангелов мы убьём.

— Генерал, прошу прощения за поведение моего сына, —

архидемон приложил руку к сердцу и поклонился мне. — С вашего позволения я накажу его калёным железом, чтобы сбить этот юношеский максимализм.

— Скарвекс, что ты предлагаешь? — я встал спиной к главе клана, чувствуя его недоумённый взгляд.

— Я внедрю новые инструменты и станки, повелитель, — встрепнулся он. — Мы поднимем производительность труда вчетверо и выше, сможем работать в нормальном темпе, меньше уставать и создавать более качественные машины.

— Меня это устраивает, отныне ты будешь мастер-наставником клана, если тебе что-то понадобится...

— Ты не имеешь права! — пламя лизнуло мою щёку. Лезвие меча Моргаста касалось моей шеи. — Дерзкий мальчишка, тебе нет и сотни лет, а ты смеешь лезть в дела великих кланов?

— Твои идеи должны кануть в лету, старик, — я развернулся и посмотрел ему в глаза. — Или ты забудешь о них и примешь мои условия, или они погибнут вместе с тобой.

Моргаст смотрел мне в глаза ещё несколько секунд, прежде чем его клинок дематериализовался, а сам он развернулся и побрёл прочь быстрым шагом. Толпа рабочих смотрела на всё это, затаив дыхание и раскрыв рты. Скарвекс побледнел, едва осознавая, что сейчас произошло. Стражи тихо разошлись по своим делам, и я остался один на один с рабочими.

— Генерал, — Скарвекс внезапно упал на одно колено и

преклонил голову. — Клянусь вам в верности до последнего вздоха. Вы одним своим словом изменили то, что годами отравляло клан и не давало прогрессу двигаться вперёд.

— Встань, Скарвекс Ируваский, глава великого клана, основанного Ирувасом Умнейшим, — я подал ему руку и помог подняться. — Тебе выдан огромный кредит доверия, не подведи меня.

— Не подведу, мой генерал, — он встал по стойке смирно. — Приходите к нам через пару недель и убедитесь, что я сдержал своё слово.

Рабочие успокоились. На их лицах я увидел облегчение, смешанное с тревогой. Только что на их глазах случилась революция без единой капли крови. На сегодня с меня хватит. Я пошёл в свою палатку, не оглядываясь по сторонам. В этом месте хватало проблем, но не мог же я решать каждую из них. Даже самые лучшие ломались на троне. А мне вся эта власть упала словно скала на голову. Это было грязное дело — невозможно было влезть туда, и не испачкаться.

Наша палатка стояла в самом центре лагеря на небольшой возвышенности. Она не выделялась золотом или бахромой. Не была больше или красивее, чем палатки глав великих кланов. Ни я, ни Аурелия не стремились к роскоши. Мы стремились лишь к комфорту и уюту. Заходя внутрь, я снимал маску великого повелителя и генерала, обнажая уязвимую натуру перед любимой женщиной. Охраны не было — после того, что я устроил на арене, никто не посмел бы лезть ко

мне. И мы ценили наше уединение.

— Политика убьёт меня раньше, чем ангельское серебро, — бросил я, входя в палатку.

— Такова участь власть имущих, — Аурелия сидела перед зеркалом и расчёсывала непослушные рыжие волосы.

— Я разрушил Врата, может, на этом стоит остановиться? — я подошёл к ней сзади и положил руки на хрупкие плечи. — Давай сбежим ото всех, улетим за сотни тысяч километров отсюда и будем просто жить вдвоём, пока вечность не закончится.

— Или пока новый ученик отца не отыщет тебя и не вспорет нам обоим горло в поисках силы, — Аурелию передёрнуло от собственных слов.

— Ты права, — сокрушённо произнёс я. — Лишь я могу разрушить этот замкнутый круг. Но я не так представлял себе власть. Мне казалось, что все будут пресмыкаться передо мной, подносить дары, слушать раскрыв рот. Вместо этого приходится решать бытовые проблемы, разнимать мелкие стычки, давать громкие обещания и раздавать титулы тем, кто, возможно, недостоин этого.

— Ты просто устал, — она встала и прошлась расчёской по моим волосам. — Давай исполним твой план сегодня, когда лагерь будет спать, — в её глазах сверкнул озорной огонёк.

— Сбежим? — я поднял брови. — Ты же сама сказала, что это невозможно.

— А мы ненадолго, — подмигнула она.

Через пару часов раздался горн, оповещающий о конце дня. Звуки работы стихали, а дым от доменных печей постепенно уменьшался. Демоны расходились по лагерю: кто-то к себе в палатку, кто-то в район к суккубам, кто-то заливать усталость вином. В этой суете парочке влюблённых под руной морока было проще всего ускользнуть.

Мы вышли за пределы лагеря. Стража на внешних воротах даже не заметила, как мы перепрыгнули через частокол всего в десятке метров от них. Руны погасли, и мы снова стали собой. Аурелия рассказала, что разведчики упоминали речку в пятнадцати минутах лёта отсюда. Крылья за моей спиной раскрылись, и я протянул ей руку. Но она не взяла, лишь хитро взглянула на меня. Не собирается же она пешком идти к реке? Крылья Аурелии, маленькие, всегда представлявшие мне игрушечными, внезапно начали расти. Они достигли внушительных размеров относительно её хрупкого тела. Она увидела удивление в моих глазах и звонко засмеялась. Меня обдал тёплый воздух от взмаха её крыльев. Она порхала надо мной бабочкой с кожистыми крыльями. Сколько же тайн в тебе, Аурелия, дочь Люцифера?

Мы летели до реки, делая пируэты в воздухе, изображали перелётных птиц. Я показал ей «крылатый дельтаплан», как во время охоты за Сайласом. Наши крылья переплетались, будто руки влюблённых. В этот момент война казалась чем-то далёким, ненастоящим. Под нами проносились изумруд-

ные поля, величественные леса, серебряные нити ручьёв, постепенно сливающихся в неглубокую речушку. Смех Аурелии, подхваченный ветром, был единственным звуком, достигавшим моих ушей. И в нём была та самая последняя истина для меня. Это было словно давно забытое ощущение. Детское воспоминание, всплывающее в самые лучшие моменты жизни.

Аурелия резко взмыла вверх, зависла на секунду, и ушла в пике. Я последовал за ней. Мы были подобны двум метеоритам, которые соревнуются в скорости. Она с прищуром посмотрела мне в глаза и улыбнулась. Наши крылья синхронно раскрылись и ноги аккуратно коснулись мягкой травы.

Аурелия пальчиком поманила меня к себе и одновременно, улыбаясь, начала медленно пятиться. Она медленно растёгивала кожаные ремешки своих изящных доспехов. Броня падала на землю, словно оставляя хлебные крошки к её пряничному телу, в которое хотелось вгрызться зубами. Я снимал одежду, не отрывая взгляда. Солнечные лучи, отразившись от кристально чистой воды, плясали на её мягкой коже. Каждый раз, когда я вот-вот достигал её, она отпрыгивала чуть дальше и заливалась смехом, подраживая меня в своей суккубской манере. Последними на землю упали чёрные кружевные трусики. Она прикрыла руками интимные места и её взгляд упал на меня чуть ниже пояса. Кровь прилиwała. Мир сузился до её эротичного силуэта. Желание затмевало даже вечное солнце, наблюдающее за нами.

Нога Аурелии коснулась глади воды, от чего всё её тело незаметно вздрогнуло. Она повернулась спиной ко мне, смущённо поглядывая на меня из-за плеча. Я следовал за ней, словно мотылёк на свет лампы в безлунную ночь. Река обступила её упругие ягодички, совершенно не скрывая ничего в своей прозрачности. Я медленно шёл к ней. Прохладная вода ласкала грубую кожу ног, постепенно унося заботы и тревоги вниз по течению. В этом особенном месте всё казалось иным — безопасным. Здесь я мог закрыть глаза и, наконец, выдохнуть.

Панцирь на моей груди упёрся ей в спину. Мои руки скользнули по её талии. Небольшая грудь идеально легла в ладонь. Я чувствовал упругое тепло и еле заметное биение сердца. Её хвостик обвился вокруг моей ноги, словно просил никогда не отпускать. Носом я зарылся в густые рыжие волосы и вдохнул полной грудью.

— Обожаю этот цветочный запах твоего шампуня, — прошептал я.

— Но я не пользуюсь шампунем, — хихикнула она.

— Откуда тогда этот аромат, — удивился я, принюхиваясь ещё сильнее.

— Волосы суккуба пахнут для каждого по-особенному, — она повернулась ко мне. Её руки легли на мою грудь. — Значит для тебя они пахнут цветами.

— Этот мир не перестаёт меня удивлять, — я наклонился, чтобы поцеловать её и внезапно почувствовал жгучую боль

в левой лопатке. Открыв глаза, я увидел серебряную стрелу, торчащую из моей груди.

ГЛАВА 4

Военный совет

Блик света от наконечника оставил ожог на роговице. Древко плотно застряло в панцире. Снаряд прошёл чуть левее сердца — я буквально чувствовал, как с каждым ударом стенки органа касаются стрелы. Остриё царапнуло кожу на ключице Аурелии. Казалось, время остановилось. Осознание пришло мгновенно, но оно пробивалось сквозь мысли, текущие как смола.

— Ложись! — я развернулся, раскинув руки и крылья. Вода перед нами вздыбилась, образуя непреодолимый барьер для десятков стрел, летевших вслед за первой.

— Он использует магию воды! — голос слишком чистый для демонов. Неужели они добрались до нас?

Белые крылья с серебряными прожилками закрыли небо со звуком бьющихся перьев. В руках у одних были луки из золота, у других копья, будто созданные из света. Их отполированные нагрудники сияли, усиливая жжение вечного солнца. А лица, холодные, будто вырезанные из мрамора, без эмоций напоминали кукол. Мой меч уже соскучился по вкусу ангельской крови. Их было около десяти, во главе архан-

гел с четырьмя крыльями.

Не было времени думать о себе. Нужно было защитить Аурелию. Взглядом я приказал ей укрыться за каменной стеной, которая возникла на берегу, повинаясь моей воле. Крылья разгорелись ярче, и я взмыл в небо, материализуя клинок. Ангелы напали, используя чёткую стратегию — копейщики били, не сокращая дистанцию, а лучники поливали меня стрелами, не давая перейти в контратаку. Ангельское серебро проходило сквозь магический щит, лишь немного замедляясь. Приходилось отбиваться мечом сразу ото всех. Но они окружали меня, нанося всё больше ран. Дождь моей крови окрашивал траву в тёмно-красный, пока ангелы смыкали своё кольцо.

Предплечье раскрылось с громким хрустом. Изящный лук расправил плечи, натягивая тетиву из моих собственных сухожилий. Два пальца натянули её и появилась стрела, объятая тёмным пламенем. Мгновение — и она с шипением испаряющейся крови вонзилась одному из лучников в горло. Ангелы дрогнули. В их абсолютно голубых, словно замёрзший воздух, глазах промелькнул страх. Я сложил крылья и камнем рухнул вниз, с грохотом приземлившись на землю. Ангелы окружили меня. Их луки, подобно воде, перетекли в совершенно иную форму — полуторные клинки с лезвием из серебра и сердцевиной из золота. Они нападали со всех сторон. Мой меч кружился в танце огненной бабочки лишь чтобы отразить очередной выпад. Но с каждой секундой ка-

залось, что их становится только больше.

В прошлом ангелы доставляли куда больше проблем, чем демоны. Они более дисциплинированные, у них есть понятие тактики и боевое обучение. Но всё это кажется пустяком по сравнению с тем, что они делают сейчас. Казалось, что это единый организм,двигающийся с пугающей точностью. Они не просто били вместе, их атаки загнали меня в глухую оборону, не давая даже задуматься об ответной атаке. Эти простые ангелы сражались на уровне архангелов, возможно, даже превосходили их.

Энергия вспыхнула в груди. Воздух вокруг нас раскалился и начал искрить. Их волосы наэлектризовались и постепенно поднимались. Они не обращали на это внимание, продолжая поливать меня градом ударов. Трава у моих ног вспыхнула, когда земля начала плавиться. Раскалённая порода медленно поднималась по моим ногам, создавая несокрушимую броню. Их клинки вязли в ней, замедляя настолько, что у меня появилось окно для атаки.

Тяжёлый двуручный меч описал дугу в воздухе и с протяжным звоном перерубил клинок одного из нападавших. Ангел тут же отпрыгнул назад, его руки загорелись светом. Поток ледяного воздуха ударил меня сверху, словно пытаюсь прибить к земле. Броня из лавы стремительно застывала в обсидиан. Она сковывала движения настолько, что вскоре я потерял бы способность двигаться.

Удары ангелов вновь обрушились на меня с новой силой.

Броня, призванная защищать меня, теперь только мешала. С каждым попаданием клинка, с каждым моим движением она всё больше осыпалась стеклянными осколками, ранящими стопы. Магия крови едва успевала заживить один порез, как появлялись два других. Энергия хаотично металась по моему организму, пытаясь то лечить меня или соткать очередное заклинание, то подпитывать мышцы.

Запас моей магии аномален для простых бессмертных. И если они не остановятся в ближайшее время, то выдохнутся и станут лёгкой добычей. Это битва на истощение, и они явно не в лучшем положении. В момент очередной атаки я увидел, как клинок одного из них едва заметно дрогнул. Моё тело само развернулось вдоль колющего удара, прошедшего вскользь по панцирю. И сталь моего меча наконец пропиталась рубиновой кровью.

В моих глазах проснулся тот самый азарт охотника, забытый в застенках замка Люцифера. Мои удары стали быстрее, точнее, смертоноснее. Поле вокруг нас превратилось в месиво из светлой крови, пропитывающей белоснежные крылья мёртвых тел. Свет глаз ангелов исчезал, как только последний вздох покидал их обескровленные губы. И чем меньше сил оставалось у них, тем яростнее были мои атаки.

Остриё моего меча вспорол живот одному из последних разведчиков, когда позади себя я услышал звук, который ни с чем не спутать: как сталь проникает в плоть. Сама моя душа словно вспыхнула в пламени Геенны от мысли, что

они нашли Аурелию. Я развернулся, вкладывая в удар всю ярость. Сталь меча пылала, пожирая свет вокруг. Кончик меча встретился с лицом ангела. Его глаза медленно остывали, клинок выпал из ослабевших рук, а из-под пробитой брони, пропитывая белую тунику, бежала рубиновая кровь. Выпад рапиры, сотканной из самой тьмы, пришёлся в сердце со спины. Это должен был быть последний удар. Пока один из ангелов отвлекал моё внимание ценой собственной жизни, второй должен был ударить сзади. Тактика последней надежды. Но этот последний удар нанесла она.

— Я же сказал прятаться, — тело ангела рухнуло на землю, а за ним стояла Аурелия, облачённая в свои латы, в руках у неё была отцовская рапира — либо неотличимая от неё.

— И это твоя благодарность за спасение? — рапира растворилась в воздухе, словно туман, а она упёрла руки в бока, посмотрела на меня надменным и одновременно озорным взглядом.

— Премного благодарен, госпожа, — я театрально поклонился ей и тоже дематериализовал свой меч. — Нам надо возвращаться в лагерь, в округе могут быть ещё патрули.

— А тебе не было холодно драться? — она смотрела на меня с таким видом, будто сейчас рассмеётся.

— О чём ты? — спросил я и тут же понял: моя одежда валялась на берегу реки, пока я абсолютно голый сражался насмерть.

Я наспех собрал свои вещи и практически на ходу натя-

нул их на себя. Очищение помогло избавиться от пятен крови, но было кое-что, не дающее мне покоя. Прежде чем уйти, я подошёл к ещё не остывшему полю боя и начал судорожно искать его глазами. Кучка тел, убитых с разной степенью жестокости. Некоторые были рассечены надвое, многие лишились конечностей. Было бы проще физически сопоставить части, чтобы понять, сколько их было в итоге, но не это меня интересовало. Около десяти пар крыльев. И среди них не было сдвоенных. У архангелов дополнительные крылья немного меньше основных, и одновременно они будто прикреплены к ним. Но я помню, что отрядом командовал четырёхкрылый. Значит он сбежал. И теперь противник знал о нас больше, чем следовало.

Мы возвращались в лагерь в абсолютной тишине. Все мои чувства были обострены до предела. Мне казалось, что за каждым облачком может скрываться засада. Перед глазами стояла картина: серебряная стрела со свистом разрывает небо и вонзается ей в сердце. Я летел так, чтобы прикрыть Аурелию своим телом в случае опасности. Война, казавшаяся далёкой всего месяц назад, уже началась. И первая пролившаяся кровь принадлежала тому, кто её развязал.

Мы приземлились перед входом в лагерь. Стражи поспешили открыть высокие бревенчатые ворота и встать по стойке смирно. Они переглядывались, явно не понимая, когда мы успели выйти, но не сказали ничего. Глупцы. Они так же пропустят пернатых тварей под мороком. Мысли грызли меня.

Этот небольшой отряд ангелов дрался со мной почти на равных, но такого не было даже тогда, когда я только делал первые шаги. Они начали готовиться не сейчас. Это результат многолетней работы и непрерывных тренировок.

Я встал как вкопанный. Луч света, пробившийся сквозь дым доменных печей, отразился от серебряного монумента прямо мне в глаз. Тот самый вечер, когда я сказал Лиане о своих планах. Вот почему она провела столько времени в Раю, что стала забывать земную жизнь. Она рассказала им. Они готовились не те несколько недель, прошедших с падения Врат. Они готовились все эти чёртовы три года. И всё потому, что я, будучи зарвавшимся мальчишкой, не смог держать язык за зубами. Только что эта война стала гораздо сложнее.

— Аурелия, мне нужно созвать великие кланы на военный совет, — произнёс я, не оборачиваясь. — Направь гонцов к ним, жду их через час в большом шатре.

Она кивнула и тут же ушла быстрым шагом вглубь лагеря. Я не знал, что им сказать. Но медлить было нельзя. Мы слишком расслабленно готовились, находили время для пустяковых раздоров. Я должен объединить их, показать, кто здесь главный, надавить. Демоны уважают лишь силу, и если мне придётся перебить половину глав великих кланов, чтобы получить лояльность остальных, то так тому и быть.

Большой шатёр находился недалеко от генеральской палатки. И название «Большой» было не просто словом. Он

был размером с футбольный стадион с бесконечными трибунами, уходящими ввысь — в тень под самым куполом. В центре была огромная карта моей экспансии. Подчиняясь магии земли картографов, она менялась почти в реальном времени. Планировалось, что шатёр будет использоваться как оперативный штаб, когда мы будем готовы начать. Но больше нельзя было медлить.

Факелы разгоняли тьму внутри, отбрасывая длинные тени. Демоны, архидемоны, бесы входили в шатёр, держа в руках клановые гербы. На большинстве было изображение опраглы — где-то в углу, где-то почти на весь рисунок. В их глазах не было уважения. Они были недовольны, что Люцифер навязал им юнца в качестве полководца и будущего правителя. Но ещё больше они ненавидели друг друга.

Кланы занимали свои места, оставляя огромное расстояние друг от друга. Казалось, они привели сюда половину своих войск, будто готовились к битве за власть. Демоны сверкали глазами, глядя друг на друга. Вокруг стоял гул, будто сама земля сейчас разверзнется и поглотит всех нас. Сквозь голоса иногда проскакивали звуки клинков, вынимаемых из ножен. Это была критическая точка. Либо я прямо сейчас заставлю их подчиняться, либо мы перебьём друг друга раньше ангелов.

— Великие кланы, боюсь, время для подготовки закончилось, — я обвёл глазами всех присутствующих. — Ангелы ближе, чем мы думали.

— Ну и хорошо, мы сметём их ближе к нашим землям, а затем сожжём этот мир дотла, — прорычал Доминир Архелонский, глава клана архидемонов. Его воины подняли шум, сотрясая воздух внутри шатра.

— Если бы всё было так просто, я бы закончил войну без твоей помощи, — прошипел я, глядя в глаза наглецу, посмевавшему выступить без разрешения. — На меня напал небольшой отряд ангелов, и они сражались настолько слаженно, что могли бы противостоять небольшой армии.

— При всём уважении, генерал, ни один пернатый не просочится мимо моих разведчиков, — внезапно заявил Коблан Руальский, глава клана разведчиков. — Не хочу обвинять вас во лжи, но это в принципе невозможно.

— На меня напали не в лагере, а в пятнадцати минутах лёта на восток, — мой голос прозвучал как оправдание, кланы будто заметили это и начали перешёптываться.

— Так значит вы по собственной глупости едва не погибли, улетев далеко от лагеря, и теперь пытаетесь убедить великие кланы в их собственной неспособности вести боевые действия, генерал? — последнее слово он произнёс с явным пренебрежением.

— Нет, я хочу сказать...

— Как ты смеешь так разговаривать с повелителем, червь?! — внезапно прокричал Астарх Алгийский, глава этого пёсьего клана.

— Что, Астарх, пытаешься выбить для своего жалкого

клана немного предпочтений со стороны нового руководства? — с явным презрением сказал Коблан. — Все мы видели, как Декраол унизил твоего сына Заргоса.

— Алгийский клан всегда был верен Люциферу и сразу принял господина Декраола как генерала и будущего повелителя, а вот твой тон говорит об обратном, — в руках Астарха вспыхнул клинок, похожий на мой, но пламя в нём горело красным, почти багровым.

— Тогда, может, докажешь свою верность кровью? — в руках Коблана возникло копье.

— Довольно! — прорычал я, но никто уже не слушал. Воины двух великих кланов уже обнажили своё оружие, готовясь перерезать друг друга. — Я сказал довольно! — тёмный шатёр на секунду осветила яркая вспышка, раскат грома прижал конфликт к земле, а запах озона ещё долго витал в воздухе. — Что вы творите? Посмотрите на себя, вы же животные, вам просто дай повод, и вы перегрызёте друг другу глотки. А реальный враг там, — я показал в сторону Рая. — И этот враг перебьёт вас в первой же стычке.

— Ангелы лишь пародия на настоящих воинов! Как ты смеешь обвинять нас в своей слабости! Человечишка возмнил себя выше чистокровных демонов! — толпа взорвалась. Демоны кричали наперебой, надрывая глотки. Ещё мгновение — и они бы устремились ко мне несокрушимой волной хаоса.

— Кто сомневается в моём праве, может лично выйти

против меня! Мой клинок давно не пил демонической крови! — проорал я во всё горло, чтобы хоть как-то перекрычать толпу, но мой голос потерялся в яростном море крика.

— Ты, желторотый юнец, смеешь диктовать свои условия великим кланам, — я узнал этот голос, Моргаст, бывший глава ремесленного клана. — Своим необдуманном решением он поставил во главу Ируваского клана простого демона! Теперь наш клан станет ниже, чем бесовской клан, — прошипел он. — То же самое грозит и другим, если мы не перестанем слушать этого выроodka.

— Роквасский клан снабжает твоих людей материалом и инструментом, Моргаст! — словно свиной визг раздался голос Дэвиона, главы банковского клана. — Без моего золота твой клан гнил бы в нищете!

— Заткнись, презренный бес, свиньям слова не давали! — внезапно взорвался Доминир.

— Твоя власть тоже весьма туманна, — голос Эльцио, главы теневого клана, прозвучал мягко, но при этом не менее угрожающе.

Точка кипения была пройдена. Клань кричали друг на друга, вспоминая старые обиды и то, кто из них имеет больше прав. Наёмники банковского клана окружили кольцом глав клана, пресекая попытку нападения. Архидемоны Архелонского клана призвали могущественные клинки, руны на которых сияли ярче факелов. Дракарский клан воителей встал в чёткую боевую позицию, готовясь к отражению ата-

ки. Алгийский клан приготовился защищать меня в случае, если кто-то нападёт на меня. Я разрешу им быть моим живым щитом, но благосклонности моей им не видать. Внезапно над нами, под самым куполом шатра, что-то вспыхнуло, будто само вечное солнце упало на нас. Сквозь внезапную тишину послышался свист стрел. Я не мог поверить, что ангелы дерзнули напасть на нас в самом сердце лагеря. Хотя обезглавить армию до её выступления — тактика истинных победителей.

Когда зрение хоть немного вернулось ко мне, я увидел, что весь пол был усеян серебряными стрелами, воткнутыми аккуратно между кланами, словно частокол. Никто, включая меня, не мог понять, откуда ударил враг. Все были напряжены, в их глазах появилось неопределённое чувство, похожее на страх. Чувство неизвестности.

— Братья, то, что сейчас взорвалось над куполом — простейшая ангельская бомба, — слащавый голос Оберона невозможно было ни с чем спутать. — Она настолько проста в изготовлении, что они даже не удосужились придумать ей название. И управляется она лишь волей того, кто её взрывает. Для тех, кто не понял, — он посмотрел на глав великих кланов словно те были лишь пешками в его игре. — Одной этой бомбой я мог выиграть войну. И зря вы не слушаете нашего генерал-повелителя достопочтенного Декраола, у него единственного есть реальный опыт битв с ангелами.

— Как ты смеешь присутствовать на собрании великих

кланов, Безродный? — прищуриив глаза, тихо сказал глава теневого клана.

— Эльцио Малефикский, брат мой, быстро же ты позабыл меня, — парировал Оберон.

— Я никогда не забуду тебя, ничтожество. Ты был с позором изгнан из моего клана — тебе не место здесь! — из-под плаща Эльцио вынырнули скрытые клинки, отравленные ядом опраглы, судя по зеленоватому свечению.

— Но это не собрание великих кланов, — Оберон, будто издеваясь, почесал голову. — Это же военный совет. Хотя главы кланов почти превратили его в резню.

— Я считаю такую дерзость можно и вознаградить, — внешне рассмеялся глава Дракарского клана воителей. — Говори, Оберон Лорд Нищих.

— Весьма признателен, Рагнаэль, — Оберон кивнул ему. — Собратья, пока вы грызлись по надуманным поводам, мерились, у кого длиннее клинок, ангелы не сидели сложа руки. Три года назад господин Декраол стал учеником владыки Люцифера и уже тогда они начали готовиться, — он рассказывал всё это, словно сам побывал в моей шкуре. — И эта маленькая безделушка, — кивнул он на стрелы вокруг нас, — всего лишь один из многочисленных трюков пернатой армии.

— Ты думаешь, наше магическое искусство хуже каких-то бомбочек? — глаза главы Абиссарского магического клана зажглись во тьме его капюшона.

— Достопочтенный Гарьен, никто не сомневается в вашем магическом искусстве, в конце концов сам Аврелиус Нокте был вашим покровителем до его скоропостижной гибели от рук нашего великого генерала, — сотни глаз одновременно устремились на меня. — Что доказывает исключительные способности господина Декраола в магии. Но всё-таки наша демоническая природа подчинена страсти к хаосу и разрушению, а нам необходима защита.

— Это... это я могу сделать, — послышался робкий голос Скарвекса. — Как глава великого клана...

— Да какой ты глава, мальчишка! — Моргаст встал со своего места и рванул к Скарвексу.

— Моргаст, друг мой, — голос Оберона стал ещё слаще. — Насколько я знаю, ты старейший демон из ныне живущих. Твоя мудрость ни у кого не вызывает сомнений. Возможно, ты и ненавидишь генерала за столь, кхм, радикальное решение. Но подумай сам: это снимет с тебя груз ответственности за решения молодого главы. И если он не справится, ты лично освежаешь его — и больше никто не посмеет тебе перечить.

— Но он разрушает традиции, которые мы передавали из поколения в поколение столетиями! — Моргаст всё ещё был зол, но речь Оберона немного его остудила.

— И тем слаще будет твоя месть, — они посмотрели друг другу в глаза и, кажется, о чём-то безмолвно договорились. — А теперь ты, представься как следует главе.

— Я Скарвекс Ируваский, глава великого клана, основанного Ирувасом прозванным Умнейшим и первым из его рода, — выпалил он чуть быстрее, чем следовало. — Генерал, у меня есть решение, я разработал новый механизм, пока не придумал ему название, но он сможет одновременно укрыть пехоту и вести наступление. Мне необходимы лишь некоторые материалы, они есть в распоряжении бесовского клана...

— Клана Роквасский! — лицо Дэвиона приобрело пунцовый оттенок, будто он вот-вот взорвётся. — Как ты смеешь...

— Да, юный Скарвекс, — внезапно вмешался Оберон. — Всего день во главе великого клана и уже пытаешься принизить главу банковского клана? Хотя я понимаю тебя. Эта ненависть копилась сотнями или даже тысячами лет, и её так просто не искоренить. Я хочу попросить прощения у тебя, Дэвион, глава великого клана, основанного Роквасом прозванным Богатейшим и первым из его рода. Мы все прекрасно понимаем, что лишь битвы выигрываются сталью, но войны выигрываются золотом.

— Ты красиво говоришь, но каков наш интерес в вашей поганой войне? Пока она несёт нам сплошные убытки, — бес немного успокоился и сразу же вспомнил о деньгах. Неудивительно, что его все ненавидели.

— Разве тебе не интересен новый мир с его новыми возможностями и эксклюзивными правами на разработку ресурсов? — Оберон поднял бровь, будто удивлялся.

— Хорошо, — в глазах Дэвиона сверкнули золотые монеты.

ки. — Роквасский клан обеспечит ремесленный всем необходимым в кредит под поручительство его величества Декраола. Думаю, двадцать три процента годовых будет справедливо.

— Весьма щедрое предложение, — Оберон слегка поклонился бесу, которого мне хотелось придушить на месте. — Прошу, генерал, скажите, сколько у нас осталось времени на подготовку? — все будто забыли о моём существовании, пока Оберон отдувался, а я стоял в его тени, но сейчас тысячи пар глаз сверлили меня.

— Две недели, — я поставил точку. — Клан Драккарский, Архелонский, Абиссарский, на вас обучение солдат. Клан Ирувасский, Скарвекс, не заставляй меня жалеть о своём решении, представь свои машины, как только они будут готовы. Дэвион Роквасский, обеспечь его материалом, иначе я разорву сделку. Руальский клан, утроить количество патронов и пусть не приближаются к врагу, докладывать мне каждые два часа. Малефикский клан, я подозреваю, что в лагере могут быть шпионы, ваша задача — выследить их. На этом совет...

— Владыка, Алгийский клан не получил особого задания, — внезапно послышался голос Астарха.

— Алгийский клан не мешается под ногами, — прошипел я. — Совет окончен, всем за работу.

Клань покидали шатёр в молчаливых раздумьях. Они не смотрели друг на друга. Их ненависть никуда не делась. Обе-

рон лишь сместил фокус их внимания, но надолго ли хватит его пламенной речи? В конце остались лишь мы с ним.

— Я должен отблагодарить тебя, — такой скользкий змей полезен в моём деле. Главное не давать ему слишком много свободы. — Без тебя кланы перебили бы друг друга.

— Что вы, господин Декраол, — Оберон положил руку на сердце и низко поклонился. — Я лишь инструмент вашей воли. Сегодня мне посчастливилось побыть вашим языком, чтобы немного прельстить зажавшихся демонов и заставить их работать. Но позвольте, я не понимаю вашей ненависти к Алгийскому клану. Он всегда пользовался поддержкой самого Люцифера. Но с вашим приходом его репутация упала почти до уровня бесовского клана.

— Один из членов этого клана, — даже имя его произносить противно. — Долгое время нашёптывал мне на ухо, не оставляя ни на секунду наедине с собственными мыслями. Словно паразит он сросся с моей душой и питался моей силой. В конце концов он попытался устранить меня и занять моё тело. После этого сама фамилия Алгийский вызывает у меня лишь ненависть.

— Это шокирующая история, господин, — он покачал головой. — Но один демон ещё не весь клан, даже главу клана можно сместить и сменить вектор его деятельности. Именно это вы продемонстрировали с ремесленным кланом. Мой вам совет — найдите в своём чёрном сердце каплю прощения и взгляните на клан, будто никогда не было Оранло Ал-

гийского, предателя и жалкого червя.

Оберон ещё раз низко поклонился и быстрым шагом вышел из шатра, оставив меня одного. Откуда он знал его имя? Этот Лорд Нищих был не просто загадочной фигурой, стремящейся к власти. Он был воистину искусным манипулятором. И хоть мне это не нравилось, но лучше пусть он будет моим союзником, чем противником.

Две недели прошли в напряжении. Раньше в лагере повсюду бродили демоны, не нашедшие себе занятия. Теперь же большинство тренировались, я бы даже сказал впервые учились правильно держать меч. Великие кланы впервые в своей истории не отбирали младенцев в Геенне, а создавали некие побочные ветви, набирая в них безродных и даже поглощая мелкие кланы. Ремесленный клан взял под своё крыло каждого кузнеца, кожевника, травника, строителя и других рабочих. Масштабный план Скарвекса вскоре должен был показать мне, чего стоит его слово. Но две недели. Мне понадобилось полгода тренироваться у Люцифера, чтобы более-менее научиться держать меч. И постройка этой новой машины, не слишком ли это амбициозная цель для столь малого срока?

— Вот, генерал, — Скарвекс развернул передо мной чертежи, которые словно были выжжены на лошадиной шкуре. — Это и есть моя задумка, — на чертеже было схематичное изображение чего-то, напоминающее коробку с колёсами и большим отбойником спереди и длинной пушкой.

— Ты что, издеваешься надо мной? — я начинал закипать. — На тебя были возложены такие надежды, а ты кидаешь мне в лицо картинку?

— Нет-нет, господин, — Скарвекс будто стал ниже от страха. — Прототип уже готов, более того, мне удалось наладить серийный выпуск, первые машины уже сходят с движущей ленты — ещё одного моего изобретения, — с гордостью произнёс он.

— Ты про конвейер? — удивился я.

— Что такое конвер-койверн-конвеер? — искренне недоумевал он.

— Не важно, — я усмехнулся про себя. — Показывай прототип.

Мы прошли сквозь огромный цех, на котором работали демоны, словно одержимые. Их каменные лица были сосредоточены на ленте, по которой передвигались разнообразные части боевых механизмов. На голове каждого из них был металлический шлем. Все были одеты в одинаковые плотные кожаные одежды, вплоть до перчаток. В прошлый раз здесь было раз в пять меньше рабочих. Судя по всему, разрастание побочных ветвей кланов кланов и предоставление мест безродным пошли им только на пользу.

Во внутреннем дворе фабрики стоял прототип той самой боевой машины. Он оказался ещё больше, чем я думал. Пластины брони были выполнены не из железа, а из свежей лошадиной шкуры. Они не выглядели надёжными, казалось,

первая же стрела пробыёт корпус и повредит внутренние механизмы.

— Надеюсь в серийной машине броня будет из железа, — задумчиво произнёс я, проводя рукой по коже, которая, казалось, всё ещё излучала тепло.

— Нет, генерал, железная броня хоть и была бы крепче, но сделала бы конструкцию слишком тяжёлой, — сказал Скарвекс тоном, будто это было очевидно.

— Тогда в первом же бою мы потеряем всю армию, — сказал я, глядя ему в глаза.

— А вы проверьте её прочность, — дьявольская хитринка мелькнула в его глазах.

— Ну раз ты настаиваешь, — лениво протянул я. Меч вспыхнул в руке. Сильно бить не буду: хочу щёлкнуть его по носу, а не раздавить. Лезвие встретилось с корпусом с пронзительным звоном. Я ударил второй раз, но гораздо сильнее: результат тот же. Казалось, чем сильнее удар, тем прочнее становится корпус. — Какого чёрта?

— Абиссарский клан помог мне создать комбинацию рун, которая делает материал тем прочнее, чем сильнее бьёшь, — его лицо пылало от гордости. — И чтобы подчеркнуть его защитные функции, я назвал его «Панцирь осадный крепящий ряды от выстрела».

— Покров, — задумчиво произнёс я.

— Ваша идея тоже подходит, генерал, — Скарвекс легонько поклонился. — Но есть одна проблема с панцирем... с

Покровом. Чтобы лучше понять, я предлагаю войти внутрь. Задняя часть машины представляла собой одну огромную дверь. Внутри Покров казался ещё больше, чем снаружи. Дна не было. Поперёк кузова торчали перекладки, за которые демоны будут хвататься и толкать машину вперёд. От них исходили сотни цепей, теряющихся во тьме наверху. В середине было два кресла, перед которыми была основная пушка. Кажется, она направляет энергию для выстрела: камень для формирования снаряда и огонь для его залпа. Всё казалось логичным и продуманным, но Скарвекс выглядел слегка напуганным.

— Так в чём дело, я не вижу ничего необычного, — не видел смысла отрицать.

— Прислушайтесь, генерал, — он сказал это так тихо, будто боялся разбудить нечто.

Я закрыл глаза. Мой слух обострился настолько, что было слышно сердцебиение Скарвекса. Ветер заставлял слегка пружинить натянутую кожу, создавая лёгкий гул. Цепи еле слышно звенели вокруг. Иногда железный каркас издавал жалобный стон. И среди всего этого был слышен шёпот. Очень знакомый. Словно шёпот сломанных кукол. Я открыл глаза, когда моя рука инстинктивно потянулась к одной из цепей.

— Что это было? — глаза инженера уже были на грани паники.

— Такой прочности удалось добиться с помощью запрет-

ной магии Аврелиуса Нокте, — Скарвекс говорил тихо, почти заговорчески. — Но это возымело странный эффект, если демоны будут слишком долго находиться под влиянием машины, то станут частью её. Это укрепит корпус ещё сильнее, но ценой будут жизни, — он поднял руку и на ней зажёгся огонёк. К потолку машины были прикованы по крайней мере шесть демонов. Их тела почти растворились в бесконечных шестернях, а глаза были мертвы.

— Сколько есть времени, прежде чем это случится? — я показал на ещё шевелящихся, но уже не живых демонов.

— Не больше шести часов, повелитель, — Скарвекс опустил голову. — И чем сильнее будет машина, тем меньше этого времени у нас в итоге будет.

Кузнец встретил меня гораздо радушнее. Кажется, для него эти две недели пролетели как один день. В его мастерской словно прошёл ураган — инструмент был разбросан кое-как, материал валялся прямо под ногами, на наковальне появились характерные вмятины. И посреди это бардака стоял стол, на котором лежала новая броня. Она была матово чёрной, усеянная бесчисленным множеством шипов. В её сочленениях будто циркулировала расплавленная магма, которая собиралась в яркий сгусток на груди. Пояс украшал орнамент в виде рогатого черепа, смотрящий в самое сердце противника. Руки закрыты латными рукавами до самых когтей перчаток. Левый наручник имел специальный механизм, чтобы я мог раскрыть лук. Правый был чуть толще —

он скрывал в себе пару выкидных когтей. Ниже, над набедренниками развивалась рваная, мрачная ткань, выглядевшая как остатки тени, цепляющейся за металл. Массивные ботинки могли перебить кость — и не заметить. Это была истинно генеральская броня.

Я снял с себя кожаную куртку. Она была со мной с самого начала, уже изрядно потрепанная, местами совсем прохудившаяся. Несколько раз я видел, как Аурелия зашивает оборванный рукав или шов на спине. В кармане до сих пор лежал какой-то мусор с Земли. Эта куртка была последним наследием моей старой жизни. Я кинул её на пыльный пол и подошёл к броне.

Она отзывалась на мою магию. Словно сам метал тянулся ко мне. Броня шевелилась, будто живая, признавая во мне своего хозяина. Она состояла из тысяч отдельных частей и одновременно была словно единый разумный организм. Ей казалось, что она неполноценна, ей хотелось стать частью меня, чтобы я овладел ею.

Броня раскрылась пастью чудовища. Вся её внутренняя часть выглядела будто раскалённой докрасна. Она набросилась на меня словно зверь. Металлические пластины сомкнулись на мне. Тело охватила кричащая агония. Кожа под сталью плавилась. Казалось, что миллионы игл вонзались в каждую пору и сращивались с моей собственной нервной системой. Шлем медленно закрыл глаза, оставив меня в крошечной тьме. Рот наполнила вязкая жидкость со вкусом же-

леза — не знаю, кровь это или броня пыталась проникнуть ещё глубже. Мне казалось, что лёгкие заполнил расплавленный металл — каждый следующий вдох давался тяжелее предыдущего. Весь мир сжался до белого шума в голове.

И внезапно всё прекратилось. Я открыл глаза и словно впервые взглянул на мир. Сквозь прорези шлема мне были видны потоки энергии, пронизывающие этот мир. Броня ощущалась как вторая кожа. Металл реагировал на команды мозга быстрее, чем моё собственное тело. Шипы удлинялись, стоило мне лишь задуматься об этом. Движения приобрели невероятную лёгкость, словно это не я носил доспех на себе, а доспех носил меня в себе. Шлем, словно состоящий из тысяч отдельных частей, скрылся где-то среди наплечных шипов, открывая моё восхищённое лицо. Наконец я был готов к войне.

ГЛАВА 5

Наступление

В лагере горела работа — демоны разбирали палатки, складывали снаряжение и грузили всё по повозкам, запряжённым в лошадей. Медлить было нельзя. Разведчики докладывали, что в округе были замечены вражеские отряды. В отличие от излишне самоуверенных демонов, они прекрасно понимали угрозу и не питали иллюзий о нашей слабости. Боюсь, этот урок моей армии придётся усвоить самым тяжёлым способом.

Но не все идут со мной. Перенести производство из глубокого тыла на линию фронта было бы уже моей ошибкой. Здесь, на границе миров, заводы будут в безопасности. Мы будем переносить их ближе в зависимости от продвижения, чтобы не растягивать цепочки поставок на тысячи километров. Скарвекс со своим кланом останутся работать, их охрану обеспечат воины, которых кланы сами изберут для этого. Многие проводили жеребьёвки, потому что все хотели на передовую, идти в первых рядах. Оставаться в тылу считалось чем-то неприемлемым, я бы даже сказал позорным для этих кровожадных тварей.

Банковский клан — единственный, кто с благодарностью принял предложение остаться в безопасности, но при условии, что их войско наёмников отправится с нами. Себе они оставили небольшой отряд элитных бойцов, чтобы их не растерзали и не ограбили свои же. Бесы на удивление быстро открыли сеть шахт вокруг тылового производственного лагеря и начали добычу полезных ископаемых для нужд фронта. Уверен, что, когда падёт последний пернатый, они тут же выставят мне счёт за услуги.

Аурелия собирала свои вещи в большой сундук. Несмотря на то, что много с собой из замка взять было невозможно, она умудрилась за два месяца накопить изрядное количество барахла. Я смотрел, как она с улыбкой пыталась вместить очередную безделушку в казавшийся бездонным сундук.

— Аурелия, — начал я осторожно. — Я люблю тебя и знаю, что ты любишь меня.

— Больше всего на свете, — ответила она, не оборачиваясь.

— Но не кажется ли тебе, что на линии фронта тебе будет небезопасно? — я заметил, как слегка дрогнули её плечи, а движения стали замедленными.

— Ты не хочешь, чтобы я была рядом? — произнесла она тихо.

— Я не хочу подвергать тебя ненужному риску, — я подошёл к ней и положил руку на плечо. — Тебе будет безопаснее остаться в тылу.

— Ты доверяешь здесь кому-нибудь? — Аурелия развернулась и посмотрела мне прямо в глаза. — Ответь мне честно, Декраол, есть ли в этом проклятом лагере хоть один демон, которому ты доверился бы?

— Нет, — прошептал я.

— Так неужели в лагере, полном жадных до девичьей плоти демонов мне будет безопаснее, чем рядом с любимым — Истинным, генералом армии Ада, сильнейшим из когда-либо живущих? — в её речах проскальзывал ядовитый тон её отца, который мог превознести тебя и принизить одновременно.

— Ты права, Аурелия, — я обнял её. Она стала гораздо сильнее с нашей первой встречи, но эта хрупкость в моих руках до сих пор не давала мне покоя. — Прости мою глупость.

— Тогда поцелуй меня, мой дурачок, — наши губы соприкоснулись. Наши носы упёрлись друг в друга, я чувствовал жар её дыхания и это был единственное тепло, которое мне хотелось ощущать. — А где твой доспех? Никак не могу его найти, — Аурелия перешла к делу, как только мои руки разомкнулись на её талии.

— Она всё время на мне, — я символично щёлкнул пальцами для пушного эффекта и словно из ниоткуда появились тысячи пластин, которые за мгновение, будто рой миниатюрных механизмов, окутали моё тело и чётко выстроились в броню. Шлем закрыл глаза, и я увидел, как энергия течёт по Аурелии от её сердца по магическим артериям и венам,

словно повторяя кровеносную систему. Ещё один щелчок — и доспех в ту же секунду исчез.

— Потрясающе! — её глаза горели от восторга, словно у ребёнка впервые увидевшего новую игрушку. — Вот бы и мои латы могли исчезать сами собой.

— Я был бы не против, если бы эти латы ненадолго испарились прямо сейчас, — произнёс я игривым голосом.

— Боюсь, кто-то другой сейчас больше нуждается в твоём внимании, — Аурелия резко помрачнела, глядя мне за спину.

В проходе, отодвинув занавес, стоял Оберон. На его лице была нагловатая улыбка, когда его взгляд беззастенчиво скользил по Аурелии. Всем видом она выказывала свою ненависть к нему. Он не понравился ей с первого же дня, когда я рассказал о нём. Оберон был скользким типом, жадным до власти, и достаточно сильным воином. Эти качества делали из него идеального правителя или по крайней мере премьер-министра, который правит, пока король предаётся греху за толстыми стенами личного дворца. Его мотивы были для меня как на ладони, и меня всё устраивало. Каждый раз, когда мне кажется, что он слишком активно пытается тянуть одеяло на себя, я вспоминаю ради кого этот поход начинался. Мы вышли из палатки, и Оберон низко поклонился в уже ставшей привычной манере, положив руку на сердце.

— Господин, подготовка к наступлению идёт полным ходом, — с каждым днём его голос становился скорее деловым,

нежели нашёптывающим личные мысли. — По моим оценкам мы выступим в течение двенадцати часов.

— Хорошо, — ответил я и заглянул в его хитрые глаза в поисках правды. — Но ты же пришёл ко мне не за этим?

— Вы как всегда проницательны, господин, — он во второй раз поклонился мне. — Видите ли, многие оставшиеся воины не очень довольны, как они выражаются, тем, что вынуждены гнить в тылу, пока всякое отребье развлекается на передовой.

— Боюсь, им придётся потерпеть, прежде чем схватиться за клинки, — отрезал я. — Мы в любом случае будем проводить ротацию войск, и каждый из них поучаствует в этой войне.

— Я с вами полностью согласен, милорд, — улыбнулся Оберон. — Но я боюсь бунтов и срывов поставок, отчего наше положение на фронте пошатнётся и может привести к плачевным последствиям для всей нашей компании.

— Что ты предлагаешь, Оберон? Хватит ходить вокруг да около, — моё терпение было не безграничным, особенно когда я чувствовал, что от меня что-то хотят.

— Господин, Декраол, — наконец начал он. — Позвольте мне остаться в тылу вашим наместником, и я прослежу, чтобы никто не посмел и слова сказать против вашей власти.

— А как же воинская доблесть? — усмехнулся я. — Неужели тебе не хочется поохотиться на пернатых?

— Моя воинская доблесть, господин, уступает лишь ва-

шей, — он в третий раз поклонился мне. — И я понимаю, что войны выигрываются не на поле брани, а в тылу. Солдат без продовольствия, оружия и снаряжения — всего лишь озлобленный и голодный зверь.

— Твоя правда, Оберон, — согласился я. — Хорошо, оставайся в тылу и командуй здесь. Мы будем видеться, когда армия будет брать важные рубежи и мы сможем переносить тыл ближе к линии фронта.

— Ваша щедрость не знает границ, повелитель, — он поклонился в четвёртый раз, едва не касаясь длинными рогами земли. — Остался лишь один нюанс — великие кланы не согласятся с безродным правителем. Может вы исполните ваше обещание, так сказать, авансом?

— Возвести тебя в ранг прародителя клана? — я поднял бровь, глядя ему в глаза. Не похоже, чтобы он шутил. Моё положение как правителя всё ещё весьма шаткое. Такое решение могло стоить мне лояльности других. С другой стороны, именно Оберон уберёт меня от провала на большом военном совете. Он смотрел на меня выжидающе, с надеждой в глазах. — Хорошо, Оберон, Лорд Нищих, я исполню твоё желание. Но если ты меня подведёшь, я лично сдеру с тебя шкуру заживо.

Создание клана — дело не хитрое. Хватает нескольких демонов, чтобы подать прошение о назначении ранга главы клана. У этой процедуры есть чёткие условия: не меньше пяти членов клана, готовый клановый герб и оплата пошлины

в пять тысяч роквасов. В Темнорезе ежедневно образуются и умирают десятки мелких кланов, о чём канцелярские бесы Дэвиона делают записи в особом реестре. Мне порой казалось, что банковский клан намеренно создал систему жуткой бюрократии, уподобляясь людям.

Но другое дело — провозглашение клана великим. Всего около десяти кланов добились этого звания, а до наших дней дошли восемь из них. Этот титул присуждался самим Люцифером за особые заслуги. При этом название клана часто менялось на имя нынешнего главы, а его собственная фамилия сменялась на индивидуальный титул, который никому больше не дозволено было носить. Весть о церемонии разносилась по всему Аду, а на праздник в столицу приезжали из самых отдалённых поселений. Но имею ли я право поставить себя в один ряд с Люцифером и будет ли моё слово иметь такой же вес? Что ж, это будет отличный шанс, чтобы выяснить.

Сейчас не то время для помпезных церемоний и трёхдневных гулянок по этому поводу. Мы решили провести церемонию прямо здесь, в большом шатре, который ещё не успели разобрать. Для провозглашения нужны были два свидетеля, в нашем случае из великих кланов. Оберон сказал, что возьмёт это на себя.

Я вошёл в пустой шатёр. Трибуны уже успели собрать, а его самого планировали свернуть, когда я распорядился отложить это. Пустое пространство, которое едва не стало по-

лем первой большой битвы, встретило меня звенящей тишиной. Даже звуки лагеря не проникали сквозь слои толстой кожи, оставляя меня наедине со своими мыслями. Как бы мне хотелось, чтобы они покинули меня хотя бы на мгновение. Как бы мне хотелось на мгновение ощутить ту самую пустоту в собственной голове.

— Повелитель, — голос Оберона вырвал меня из размышлений. — Я привёл свидетелей, Дэвион Роквасский и Астарх Алгийский, — главы кланов поклонились мне.

— Давай побыстрее с этим покончим, — я взглянул на Астарха с презрением и повернулся к Оберону. Доспех покрыл моё тело, кроме головы, а в руке вспыхнул меч. — На колени, Оберон безродный. Сегодня в присутствии свидетелей — достопочтенного Дэвиона, главы великого клана, основанного Роквасом Богатейшим, и Астарха, главы клана, основанного Алгием Безупречным — я, Декраол, Истинный Избранник Ада, генерал, ученик Люцифера, за особые заслуги награждаю тебя, Оберон, титулом Сладкоречивый. Отныне ты прародитель великого клана. Все демоны, которых ты и твой клан возьмёте на попечение, будут носить фамилию Оберонский. Неси же свой герб с гордостью и вселяй в сердца нашего народа уверенность в победе и в их повелителя, — на кончике моего меча вспыхнула руна — печать дарения. Воздух наполнился запахом палёной плоти, когда сталь коснулась его щеки. Церемония была завершена. Отныне в Аду есть девять великих кланов. И как любое моё

решение, это могло выйти мне боком.

По истечении отведённого времени, всё было упаковано, лошади запряжены, а армия готова была выступить. Я в последний раз взглянул на её могилу, безмолвно прощаясь, возможно навсегда, и поспешил к своей повозке. С высоты орда выглядела сплошной чёрной волной на зелёном фоне. Чем дальше мы отходили от границы миров, тем меньше дыма от бесконечных доменных печей оставалось, и тем сильнее пекло вечное солнце. Для демонов его свет был как раздражающий зуд, а для меня жжение было похоже на медленное поджаривание над тлеющими углями. Мы с Аурелией ехали в достаточно просторной повозке, можно сказать карете, подаренной лично Дэвионом. Этот жирный бес, готовый продать саму Геенну Огненную, добивался моего расположения. Может сейчас моё положение шатко, но он зрит в будущее и видит в нём горы золота. Значит, его подарки — это очередные инвестиции в собственный кошелёк.

— Сколько мы уже едем? — почти плача спрашивала Аурелия. — Я уже всю задницу отбила на этих кочках.

— Через два часа будет ровно месяц, как мы тронулись, — ответил я, глядя на хитроумные часы, которые дал мне Скарвекс перед отъездом, чтобы контролировать время применения Покрова.

— Почему ты не сказал, что будет так скучно? — она приуныла ещё сильнее. — Я думала, что Рай — это прекрасное место, наполненное невиданными травами и зеленью.

— А чем тебе не зелень? — спросил я, подходя к окну. Остатки зелени, вытоптанной авангардом, утопали в грязи и бесконечном конском навозе.

— Отец часто рассказывал о войне, как о чём-то захватывающем. Он с детства говорил, что, если мне повезёт, я увижу это собственными глазами, — она взглянула на меня и снова отвернулась к окну. — Но уже три месяца я вижу только грязь вперемешку с дерьмом.

— Война это и есть грязь вперемешку с дерьмом, — я подошёл к ней и провёл рукой по спине. И чем ближе приближалась рука к пояснице, тем больше напрягался от удовольствия её тоненький хвостик. — Я был уверен, что ты не захочешь смотреть на битвы. Думал, ты против насилия.

— Я — демон, Декраол, чистокровный, — сказала Аурелия без тени сомнения. — И насилие — это неотъемлемая часть меня. Та тьма, которая живёт в каждом из нас с самого перерождения, не может испариться из-за того, что я вырастила пару кустиков. Но в отличие от всех них, я держу свою на поводке, лишь изредка подкармливая.

— Меня мучает один вопрос, Аурелия, — я глубоко вдохнул. — Кого ты убила ради ритуала призыва?

— Никого, — ответила она безразлично. — Для призыва нужна была кровь, а в замке этого добра хватало. Отец всегда учил думать, прежде чем слепо действовать, у каждой загадки есть минимум два решения.

— Значит, тот ангел на реке, — продолжил я. — Был тво-

им первым? Что ты почувствовала?

— Первым, — выдохнула она. — Когда он крался к тебе со спины, мысли словно покинули меня. Я хотела лишь защитить то, что мне дорого. Голова отключилась, тело будто само сделало выпад и одновременно в моих руках внезапно возникла отцовская рапира. Помню сопротивление доспехов, костей и плоти, когда сталь проникала сквозь них. Помню, как биение пронзённого, трепещущего сердца передалось на рукоять. И одновременно с этим помню, что не почувствовала ничего, кроме облегчения. Я вспоминала твои слова про то, что лица ангелов похожи на кукольные, и действительно, в их глазах не было жизни, эмоций, надежд. Они сияли льдом. Как ты и говорил, если это всего лишь куклы, то их невозможно убить, их можно только сломать.

Внезапно спереди послышался горн, и армия остановилась. Но до привала было ещё несколько часов. А до ближайшей крепости и вовсе минимум полгода пути. Я сказал Аурелии оставаться в карете. Крылья за моей спиной вспыхнули и подняли меня в небо. Доспех уже был на мне, когда я увидел причину остановки — небольшая деревня, стоящая на отшибе бесконечного мира. И на её фоне стояла бесконечная орда.

Дома в деревне отличались от типичных ангельских построек — они были собраны из стволов деревьев, а не возведены из белого мрамора. Окна обрамлялись резным деревом, покрашенным в нежно-голубые тона. Крыши, выкра-

шенные в жёлтые оттенки, видимо, должны были напоминать золотые шпильки Ангельских Крыльев. Вокруг деревни не было ни сплошного забора, ни самой захудалой изгороди. Дороги были просто утрамбованной землёй. В каждом дворе был небольшой огород с овощами. Она выглядела как типичная земная деревушка, в которой обычно живут старики. Не хватало только звуков домашних животных и коптящих небо дымовых труб.

Для меня этот пейзаж выглядел слишком чужеродно. Казалось, что это ловушка, что сейчас из этих домиков хлынет толпа ангелов и перебьёт дезориентированную армию. Я рванул туда, подгоняемый собственной паранойей и приземлился у входа прямо перед тем, как первые воины вошли в деревню.

— Стоять, — приказал я. Шлем закрыл голову и мне открылась энергетическая картина этого места. Сила текла здесь слишком размеренно, чтобы представлять опасность. Внутри домов скрывались живые существа, всего по двое-трое. Я чувствовал пульсацию их магии, словно учащённое сердцебиение. — Никого не убивать без необходимости, собрать жителей в центре, старосту деревни привести ко мне.

Демоны ринулись исполнять мой приказ, но без особого энтузиазма. По ним было видно, что их клинки соскучились по свежей крови. Однако, разрешить им бесчинствовать — это всё равно что спустить с цепи бешеное животное. Конечно, этот метод покажется многим эффективным, пока не

встанет вопрос о том, как посадить это животное обратно на цепь.

Воины выбивали хрупкие двери и силой вытаскивали людей из домов. Это были души умерших на Земле. Но в отличие от живущих в Крыльях, эти не были похожи на бесплотные тени. Их тела хоть и состояли в основном из энергии, но полностью повторяли человеческую биологию — тонкая розовая кожа, живое сердце, перегоняющее кровь по телу, и глаза, полные страха и непонимания.

— Генерал, по вашему приказанию жители собраны в центре, — доложил один из демонов. За его спиной, опустив глаза вниз, стоял старик. Воин указал на него. — Вот староста деревни.

Кивком я приказал старосте проследовать за мной в ближайший дом. Он беспрекословно подчинился. Несмотря на опасность, старик двигался уверенно и даже немного грубовато, без изящества, присущего пернатым. Он слегка сутулился, будто нёс невидимую тяжесть на плечах. Одет он был в простейшую, но при этом достаточно практичную одежду: туника из серой, грубой ткани до колен, подпоясанная широким кожаным ремнём. На плечах — простой плащ из шерсти. Всё было достаточно поношенным, а ещё будто отдавало запахом рыбы.

Мы сели за деревянный стол, на котором были остатки ужина, и я впервые взглянул ему в глаза. Они были голубоваты-серыми, как вода перед штормом. Его взгляд был пря-

мым, цепким, без тени лукавства, застывшим в суровом понимании. Кожа на лице была тёмная, будто старая медь, выжженная бесконечным солнцем. На лбу глубокие морщины — следы не столько возраста, сколько постоянного напряжения и сосредоточенности. На скуле, возле широкого носа с небольшой горбинкой, был старый, едва заметный шрам. Его лицо украшала густая, коротко подстриженная, курчавая, с проседью борода. Больше седины лишь у висков и в усах. Его плечи, широкие и квадратные, словно созданные, чтобы нести тяжесть. Было件нятно, что руки — это его орудие труда. Ладони огромные, с мозолями, похожими на жёлуди. Жилы на смуглых предплечьях выпирали, как канаты. Кажется, этими руками он мог бы не просто заниматься ремеслом, но и одним ударом убить демона. В его лице, во всей его фигуре была неприкрашенная правда, сила и магнетизм. Это человек, который никогда не боялся ни тяжёлой работы, ни сильных чувств. В его глазах горел внутренний огонь, который вёл других за собой.

— Как твоё имя, старик, — спросил я, стараясь не звучать угрожающе, но рычащий голос не так просто скрыть.

— Симон, — ответил он. — Но все зовут меня Пётр.

— Я генерал армии Ада, Истинный Избранный и ученик Люцифера, — проговорил я, словно заученную скороговорку. — Но ты можешь звать меня Декраол.

— Помнишь ли ты своё прижизненное имя, демон? — спросил он, не отводя взгляда.

— Мне незачем помнить его, — огрызнулся я. — В отличие от демонов снаружи, я никогда не умирал и не проходил сквозь Геенну Огненную. Моя душа всё ещё не тронута. Я добровольно отрёкся от старого имени, от старой жизни, поэтому оно не имеет значения.

— Может быть твоя душа всё ещё питает тело, но тебе она никогда не принадлежала, — загадочно сказал он. — Человеческая душа не способна на то, что ты сделал.

— Что ты несёшь, старик? — прошипел я.

— Придёт время, и ты сам всё поймёшь, возможно, не в этой жизни и даже не в следующей, — прошептал он.

— Тебе пора прекратить разговаривать загадками, — прорычал я, вставая со стула. В моей руке вспыхнул клинок, его остриё остановилось в сантиметре от его лица. В воздухе повис едва уловимый запах палёных волос. — Кто ты такой, чёрт возьми?

— Всего лишь душа, которую не пустили в священный город, — даже ощутив жар преисподней, он не отступил.

— В каком смысле не пустили? — я дематериализовал меч и снова сел за стол. Никогда не слышал о том, чтобы ангелы изгоняли души, попавшие в Рай.

— Ты знаешь, как души людей попадают в миры бессмертных? — мне казалось он даже не моргал.

— Отягощённые грехом падают в Ад, свободные от греха возносятся в Рай, — эта истина была понятна каждому.

— Так и происходит, но не всегда, — Пётр покачал го-

ловой. — Душа сама решает, достойна ли она Рая или Ада. Редко свободные от греха души попадают в Геенну Огненную, перерождаясь в демонов. Но гораздо чаще грешные души отправляются в Рай, считая себя достойными. Таким душам запрещен вход в священный город, они создают свои поселения, подобные этому. В Раю их несчётное количество, а нам просто «повезло» попасться тебе первыми.

— Если я убью тебя, Пётр, куда отправится твоя душа? — я искал страх в его глазах, но не находил его.

— Она останется здесь, развеется энергией по зелёным лугам, подпитывая этот мир, — произнёс он будто с вожденным придыханием.

— Значит, нет смысла вырезать деревню, — подумал я вслух. — Но я не могу просто так оставить вас в покое.

— Это бы показало твою человеческую слабость всей армии, — согласился он.

— У меня есть решение, — улыбнулся я тремя рядами острых зубов.

Мы вышли на залитую светом улицу. Жители стояли на коленях в окружении солдат. Люди тихо плакали, молили о пощаде, обнимали детей. Демоны скалились, смеялись, махали клинками перед лицами пленников. Увидев меня, они резко замолчали и встали по стойке смирно, ожидая приказ.

— Пленников переправить в тыл, они будут рабами на производстве. Убивать и калечить рабочую силу запрещено. Ценные вещи из домов изъять, сами дома сжечь, — огласил

я приговор.

Солдаты переглянулись, переваривая то, что я сказал. Они не понимали, радоваться им или постараться оспорить мой приказ. Но взглянув в мои не моргающие глаза, они начали выполнять приказ. Людей построили в колонны, связав по рукам и ногам в единые цепи. Пётр возглавлял одну из таких. Он распрямил плечи, показывая остальным уверенность, будто он только что стал чем-то большим, чем порабощённый человек. Демоны грузили их в повозки, набивая их до отказа. Бес извозчик хлестнул лошадь поводьями, и первая партия душ отправилась помогать нам против их воли, пока их родная деревня полыхала, сжигаемая демоническим огнём.

Мы решили устроить привал прямо здесь, на пепелище. Демоны вылезали из тесных повозок, разминая затёкшие суставы. В округе стоял гул из тысяч звуков: лязганья железа, фырканья измождённых лошадей, коротких, отрывистых команд и хруста травы под тяжёлыми сапогами. Телеги с покоробленными колёсами, скрипя усталостью, встали в круг, образовав грубый частокол. Из-под брезентовых тентов уже выгружали мешки с продовольствием и винные вымя. Слышался приглушённый стук топора — солдаты рубили деревья для костров и мелкого ремонта. Конюхи уже освободили лошадей и вели их к ближайшей речке на водопой и помывку. Их израненные бока вздымались от тяжёлого дыхания. Демоны оседали на землю, как подкошенные. Не было при-

вычной бравады, не было песен. Опустошённая усталость — вот что читалось на каждом лице, покрытом слоем пыли и кровавого пота. Одни, не снимая лат, падали на спины, уставившись в голубое небо. Другие, механическими движениями, начинали чистить оружие. Представители великих кланов держались особняком, у чуть более густых деревьев. Голоса у них были тихие, хриплые от пыли, будто они в очередной раз что-то замыслили. Их взгляды скользили не по солдатам, а вдаль, по линии горизонта, словно они размышляли о следующем шаге. Языки пламени плясали по всему лагерю. Для демонов местная температура была непривычно холодна, и они при первой возможности разжигали костры, напоминающие о доме. Они варили в котелках нехитрый ужин — похлёбка из какой-то крупы и вяленого мяса. Запах был слишком простым, но от него сводило желудок.

Постепенно воздух менялся — запах конского пота, пыли и железа перебивался дымом и пищей. Над лагерем витал низкий гул разговоров — негромких, отрывистых. Кто-то достал самодельную лютню и завыл грустную песню, которая терялась в просторном небе. И над всем этим — ощущение временности. Этот привал — всего лишь пауза в долгом выдохе. Через двенадцать часов орда вновь поднимется с земли, соберётся в колонну и поползёт дальше под немигающим взглядом вечного солнца, оставив после себя лишь потухшие кострища, конский навоз и втопанную в грязь траву.

ГЛАВА 6

Преддверие

Аурелия делала насечку на стенке нашей повозки каждый раз, когда мы останавливались на привал. Чтобы не затянуть войну на несколько десятилетий и не утомить армию, я приказал двигаться по тридцать шесть часов и останавливаться на двенадцать. Этого хватало, чтобы сначала утомиться от пути и более-менее отдохнуть. Среди солдат гуляло недовольство. Они жаждали битвы и всё чаще стали устраивать бои насмерть между друг с другом. Это явление стало настолько массовым, что мне пришлось запретить это под страхом смертной казни. Но подпольные бои всё равно продолжают. Их можно понять — бесконечные однотипные зелёные пейзажи и непреодолимый зуд от света незаходящего солнца сведёт с ума даже самого закалённого воина. Они шли за триумфом, а получили невнятный поход и скоро им будет недостаточно одних обещаний.

— Сто пятая насечка, — грустно продекларировала Аурелия.

— Семь месяцев ровно, — это полностью совпадало с моими расчётами.

— Семь месяцев дороги, — захныкала она.

— Не унывай, — я погладил её по плечу. — Разведчики доложили, что крепость первой линии обороны уже в двадцати часах пути от нас.

— Почему мы должны обязательно брать её? — спросила Аурелия. — Разве не будет лучше просто обойти её и направиться сразу к Крыльям?

— Тогда между нами и тылом останется целая крепость врагов, — я покачал головой. — Поставки продовольствия, оружия, частей доспехов прекратятся, и армия умрёт от голода задолго до того, как пройдёт и четверть пути.

— Но они же не выйдут из крепости просто так? — Аурелия смотрела на меня, подозревая, что доблестной битвы может так и не случиться.

— Конечно, — улыбнулся я. — Они надёжно укрыты за мраморными стенами. Будут обстреливать нас издалека, а солдат, которые добрались до стен, будут поливать раскалённой смолой.

— То есть мы можем застрять там на ещё какое-то время? — её глаза округлились.

— Нам в любом случае придётся задержаться там, — мои слова звучали для неё как приговор. — Наш плацдарм остался слишком далеко позади, нам нужно перевезти тыловое обеспечение поближе. Они как раз займут крепость.

— А может, есть возможность ускориться? — с надеждой спросила она.

— Мы будем обстреливать их из требушетов, — сказал я.
— А когда появится брешь в обороне, отправим войско под защитой Покровов.

— А потом ждать эту змею Оберона ещё полгода, — с отвращением ответила Аурелия.

— Такие как он нужны при троне, — ответил я чуть тише, чем обычно. — И нам не придётся ждать полгода. Перед отъездом я передал Скарвексу одну земную технологию для быстрых перемещений, а за счёт новой рабочей силы, думаю, они будут здесь гораздо раньше.

— За счёт новых рабов, хотел ты сказать? — в голосе Аурелии был холод.

— Твой отец использовал рабов в замке, — удивился я. — Почему ты так реагируешь на то, что мы делаем то же самое?

— Бесы в замке никогда не были свободными, — сухо сказала она. — Они были аномалиями, рождёнными без собственной воли. Отец одарил их целью, одарил своей волей. А ты отнимаешь её у свободных существ.

— Аурелия! — волна злости поднялась от низа живота и ударила в голову. — Если бы не я, их бы разорвала на кусочки злобная, кровожадная орда демонов, названная кем-то по ошибке армией.

— И это оправдывает рабство? — она посмотрела на меня своими глубокими чёрными глазами.

— Я освобожу их, когда всё закончится, — прошептал я. — Это и был изначальный план.

— Обещаешь? — с надеждой спросила она.

— Клянусь тебе, — с уверенностью ответил я.

Аурелия подошла ко мне и обняла своими тонкими ручками. Её тело немного подрагивало, будто она только что плакала. Я прижал её к себе крепче. Ей казалось, что она теряет ту связь, которая образовалась между нами за те годы, что я провёл в замке Люцифера. Мы оба видим, как эта война уже меняет нас, как политика всё крепче обвивает горло, готовая придушить в любой момент. Я бы всё отдал, чтобы ещё раз тихо войти в её оранжерею и смотреть, как она с непередаваемой теплотой поливает растения, напевая под нос любимую песню. Наши губы встретились где-то между интимными воспоминаниями и тоской неопределённого будущего.

Сегодня армия шла гораздо бодрее. Словно новость о приближении к ангельской крепости подстёгивала лошадей, разжигая общее чувство кровавого азарта. На последнем привале демоны пировали, будто уже захватили крепость, высасывая досуха винные вымя. Но надо отдать им должное, большинство хорошо подготовили снаряжение к битве, прежде чем упиться до беспамятства. Для кого-то эта битва станет последней. Демоны не показывали этого, но они боятся смерти. В этом плане они очень похожи на людей. И в этом празднике скорее было не предвкушение грядущей битвы, а прощание с теми, на кого укажет длань судьбы.

Первым из-за горизонта появился сверкающий золотой

шпиль. Словно маяк, он светил отражением вечного солнца, усиливая его жжение под кожей. Затем из дымки небытия поднялась вся главная башня — не просто сооружение, а гимн в камне и свете, слепящий зубчатый клык, вонзённый в небеса. С каждым шагом адских коней словно из небытия проступали всё новые очертания, будто крепость соткала сама себя перед нами. Её стены, словно выточенные из единого куска мрамора, надёжно укрывали практически целый белоснежный город. Но эта чистота была обманчива. Это не был мягкий цвет облаков или свежего снега. То была агрессия испепеляющего пустынного солнца, выжигавшего глаза и высушивающего кожу в ломкий пергамент.

Чем ближе мы подходили, тем более очевидным становилось то, что воздух здесь был иным — пустым и безвкусным. Не было ни запаха цветущих садов, ни благоухания амброзии. Был лишь чистый, стерильный кислород, разреженный словно на вершине горы. Он не насыщал лёгкие, а лишь заполнял их как вода, осложняя дыхание. Было слышно, как лошади задыхались, сбавляя темп. Отовсюду доносился тяжёлый кашель солдат. Их магия не позволяла быстро адаптироваться к этому практически химическому оружию. Аурелия тоже выглядела бледной, но старалась не показывать виду.

Над крепостью парили белые фигуры — одинокие стражи, видевшие наше приближение ещё за сотни километров. Серебряные прожилки их крыльев сверкали звёздами, вне-

запно появившимися в полуденном небе. В бесконечных узких бойницах виднелись тысячи ледяных глаз, смотрящих на нас пустыми взглядами. Они не двигались. Они просто находились там, как часть архитектуры, как живые статуи на белоснежных карнизах. Их лица, обращённые к нам, были спокойны и пусты. Ни любопытства, ни ненависти. Мы были для них не врагом у врат, а лишь временным пятном на безупречном зелёном полотне их мира. Пятном, которое нужно не победить, а стереть.

Армия остановилась на достаточном расстоянии, чтобы требушеты могли планомерно разрушать стену, а их луки до нас не доставали. Повозки встали чёрной стеной в противовес этой вездесущей белизне. Демоны двигались медленно, в их глазах виднелось опьянение от чистого кислорода. Боюсь, если ангелы ударят прямо сейчас, то мы потеряем много солдат. Лошади падали, словно подкошенные. Я взглянул на них сквозь забрало шлема. Энергетические потоки абсолютно каждого живого существа сейчас судорожно пытались перестроить лёгкие, чтобы дышать в этом месте. Моя магия крови сделала это мгновенно, а у них уйдёт какое-то время. Нельзя показать, что мы слабы.

Моя фигура возвысилась над лагерем летающей бездной. Тёмное пламя моей души, пылающее в кожистых крыльях, казалось, отрицало само право света на существование. Тёмная броня, чувствуя энергию, протекающую от магического сердца, начала издавать низкий гул. Тысячи пластинок

бились друг о друга, создавая какофонию тысяч кричащих птиц. Вечно залитый светом мир на мгновение стал негативной версией самого себя, мимолётно показывая ангелам Ад. Затем ослепляющая вспышка в тысячу раз ярче вечно-го солнца и раскат грома, от которого все звуки исчезли, оставив лишь звон в ушах. Воздух заискрился, сжигая лиш-ний кислород, оставляя после себя запах озона. Когда зре-ние вернулось, перед лагерем был ров, усеянный каменными шипами. Перед телегами возникла скалистая стена, издале-ка казавшаяся оскалом древнего монстра, который пришёл с единственной целью — утолить свой вечный голод.

Из крепости послышался гул переговаривающихся стра-жей. Наконец их пустые глаза смотрели не на нас, а на последствия нашего появления. Демоны, напротив, немно-го воспряли духом, увидев силу своего лидера. Их энергия немного успокоилась, и они начали двигаться живее. Коню-хи обтирали запыхавшихся лошадей. Им всё ещё было труд-но дышать, но они немного успокоились. Помню, как кто-то на Земле говорил, что любой зверь ласку любит — это отно-сится и к адским животным. Я приземлился возле Аурелии. Её кожа вновь принимала здоровый красноватый оттенок.

— Я уже говорила тебе, какой ты потрясающий? — спро-сила она голосом, будто пробежала несколько километров.

— Говори мне это почаще, — улыбнулся я.

К нам подошли представители великих кланов, ответ-ственные за технику и солдат. Едва заметным кивком голо-

вы я показал Аурелии, чтобы она оставила нас. Мы отошли в более тихое место, чтобы спрятаться от лишних ушей.

— Генерал, требушеты будут готовы к атаке через двое суток, — бодро отрапортовал представитель ремесленного клана.

— Повелитель, для полной адаптации воинам нужно трое суток, — уже мрачнее сообщил один из потенциальных наследников клана воителей.

— Думаю, пернатые не станут нападать первыми после устроенного мной, — произнёс я задумчиво. — Хорошо, тогда...

— Генерал! — внезапно раздался крик, вырывающий меня из собственных мыслей. — Генерал, срочное донесение, — громко сказал запыхавшийся солдат разведывательного корпуса.

— Как смеешь ты прерывать совещание, ублюдок? — внезапно прокричал наследник клана воителей.

— Всё в порядке, Саргрим, — успокоил я его. — Говори, в чём дело.

— Пернатые напали на наш разведывательный отряд и перебили всех, кроме меня, — в его голосе не было сожаления о павших товарищей, лишь облегчение за спасение собственной шкуры. — Они оставили меня в живых, чтобы я передал вам это, — он протянул мне небольшой свиток из пожелтевшего пергамента.

— Если тебе важны жизни твоих солдат, встречаемся воз-

ле высокого дерева между крепостью и твоим лагерем через час. Комендант крепости Семи Небес, Гавриэль из Дома Элизиар, — прочитал я послание, написанное золотыми чернилами.

— Как вы разобрали эти каракули, генерал? — удивился разведчик, совершенно забыв о субординации.

— Для меня все слова на языке демонов и ангелов выглядят как речь из родного мира, — не задумываясь ответил я. — Ты мне лучше скажи, когда вы столкнулись с ангелами, вы смогли дать им достойный отпор.

— Нет, генерал, — он опустил голову и покачал ей. — Они действовали очень слаженно. Казалось, этот отряд с самого перерождения только и делал что тренировался. У нас не было ни единого шанса против них.

— Тогда не смей об этом никому рассказывать или я вырву твой язык голыми руками, — прошипел я, глядя ему прямо в глаза. — И вас это тоже касается, — я повернулся к представителям великих кланов и по очереди заглянул в их глаза. Они опустили головы, стараясь не встречаться со мной взглядами. — Когда ты получил это послание?

— Около сорока минут назад, повелитель, — заикаясь ответил разведчик.

Я недовольно фыркнул и быстрым шагом пошёл к границе лагеря. Крылья расправились и в одно мгновение лагерь остался далеко внизу. Между нами было несколько лесков, больше похожих на плешь некогда могущественного велика-

на. Но одно дерево, одиноко стоящее в отдалении от остальных, отличалось. Оно было словно мудрый старец, возвышающийся над всем миром. Его кора потрескалась в нескольких местах, не выдерживая собственного веса. В тени его кроны мог уместиться целый великий клан. В ней чувствовалась прохлада и покой, будто само дерево испускало ауру благословения. Это была могила. Лишь на местах упокоения великих бессмертных может вырасти столь могучее растение, питаюсь остатками его энергии.

Сквозь густую листву слышались звуки взмахов пернатых крыльев. Они напоминали мне голубиные, только гораздо ниже. Ангелы приземлялись тяжелее, чем обычно — с грузным ударом о землю. На них были полные латы из чистого отполированного серебра. Видимо летать в таких не очень удобно. В руках у каждого было копьё, светящееся настолько ярко, что казалось оно сделано из луча вечного солнца. В дополнение к копьё на их поясах были полторные мечи, а к бедру крепились ножны с довольно длинными, но очень тонкими стилетами. Левые наручи были немного толще правых, скрывая какой-то механизм — очередная уловка?

Они окружили дерево и смотрели на меня своим ледяным взглядом, практически не шевелясь. В этом построении было что-то завораживающее. Они казались мне не просто солдатами или бездушными куклами. Они казались мне идеально сбалансированной машиной смерти. Даже их дыхание было синхронным. Это отличалось от хаотичной энергии ад-

ской армии. Демоны скорее нападут, чем будут дожидаться приказа по стойке смирно.

С неба послышался ещё один звук. Он сильно отличался от биения крыльев простых ангелов. Он скорее был похож на орлиный, по крайней мере именно так я это себе представлял. Высший архангел, медленно взмахивая шестью крыльями, которые казались абсолютно серебряными, мягко опустился на землю. Под его тонкой морщинистой кожей была видна каждая вена, по которым с золотым сиянием перетекала энергия. Вместо ледяного холода, его глаза горели жаром солнца, смотря сквозь меня в самую суть. Он оценивал не меня, а то, что внутри — душу. Его седые волосы были коротко пострижены, чего не скажешь о его бороде — длинная, густая, выбритая прямыми формами, казавшаяся слишком идеальной, чтобы быть настоящей. На его теле, в отличие от телохранителей, была простая белая туника, выполненная из дорогой ткани, на которой красовались замысловатые узоры из золотой нити. Одевание было подпоясано широким ремнём, на котором красовалось единственное видимое мне оружие — изысканный кинжал, украшенный осколками стабилизированного магического водяного камня. Со стороны он казался лишь украшением, но в нём чувствовалась сила. Как и в самом архангеле. Его аура буквально затмевала всех его солдат, светя ярче, чем серебряные нагрудники. Глаза настолько резало, что я был вынужден убрать свой шлем.

— Здравствуй, комендант крепости Семи Небес, Гавриэль из Дома Элизиар, — слегка кивнул я. — Моё имя...

— Декраол, Истинный Избранник Ада, генерал армии и ученик Люцифера, — его голос звучал как отголосок грома — глубоко и низко. Я невольно начинал восхищаться им.

— Так моя слава летит впереди меня, — усмехнулся я.

— Нет, просто твои демоны совершенно не могли удержать язык за зубами, пока мои люди снимали с них кожу заживо, — сказал он без капли жалости, от чего у меня по спине пробежали мурашки.

— Не думал, что чистые души, не отягощённые грехом, способны на такие зверства, — покачал я головой. — Тебе должно быть стыдно, Гавриэль, — я специально пытался вывести его на эмоции, заставить совершить глупость.

— Ты принёс грех в этот мир, демон, — ответил он, не поддавшись на мою провокацию. — И лишь когда последняя когтистая лапа сгниёт в земле, Рай снова станет местом мирного упокоения.

— Я думал, ты пришёл просить о пощаде или даже время, чтобы твои ангелы ушли ближе к Крыльям, — усмехнулся я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.